

АДЕЛИСЫ

ИСКУШЕННЫЕ ТЬМОЙ

МАРГАРИТА
РЕТУНСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Ретунская

Аделисы: Испушенные тьмой

«Автор»

2026

Ретунская М.

Аделисы: Испушенные тьмой / М. Ретунская — «Автор», 2026

Это история о цене желаний в мире, где Благодетели забирают больше, чем дают, а мораль чернее вороньего крыла. Чтобы найти отца и сыскать признание «Короля крыс», юная аристократка становится Аделисом — охотником на одержимых. Элеонора выбрала путь, но не знала, что он вымощен прямиком в Бездну, где злейший враг — ты сам. Отныне ее напарник — бездушный клинок ордена. Юноша, мечтающий отомстить одному из двенадцати Богов. Артур убежден: девушка — ведьма, наставшая на него пытку. Ведь рядом с ней его будущее рушится. Чтобы остаться верным Империи и своей цели, он должен ее убить. Только монстры не спят — они уже чувт кровь испушенных тьмой.

© Ретунская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Глава 1 Артур. Сделка	6
Глава 2 Артур. Глаза	11
Глава 3 Элеонора. Партия	24
Глава 4 Артур. Задание	34
Глава 5 Элеонора. Беглянка	43
Глава 6 Артур. Хищники	52
Глава 7 Элеонора. Фигуры	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Аделисы: Испушенные тьмой

Посвящение

Говорят, в аду девять кругов, а в Бездне? В ней нет дна и не от чего оттолкнуться.

Посвящаю эту книгу тем, кто создает внутри себя и вовне ниточки, смыслы, чтобы бороться за глоток воздуха, за свет.

Пусть у каждого будет свой Вергилий на этом пути.

Глава 1 Артур. Сделка

Я стоял на коленях перед алтарем, зажимал левый глаз ладонью и отчаянно молил Богов явиться. Даровать мне избавление от тьмы — личного надзирателя, что следует за мной, куда бы я ни пошел. Куда бы ни посмотрел.

— Заберите все добрые дела из правого, — взывал я к созданиям Небесного Чертога, тихо, едва различимым шепотом. — Пусть ничего не останется. Все заберите! Что угодно. Пусть не будет у меня перерождения, только в этой жизни исполните одно желание! Всего одно.

Собственный голос звучал хрипло, чуждо — совсем не так, как привык слышать его у себя в голове. Реальность все искажает.

Я зазвенел в моленный колокольчик. Его звон прошелся эхом, будто множество железных ложек разом упало со стола. Я замер. Где-то в глубине храма отозвались другие.

Холодный сквозняк со свистом закрался под штанины, жгуче укусил лодыжки. Ветер щипал глаз — тот, что я держал открытым. По щеке скатилась слеза, затем еще одна. Так Боги забирали сделанное благо. Обычно его бережно хранят, копят на грядущий суд, а грехи из левого, наоборот, выплакивают с солью, когда приходят каяться, чтобы облегчить бремя.

Но что еще я мог предложить всевышним? Только себя.

Ветер стих, последние отголоски звона растворились вместе с ним. Осталось карканье ворон.

— Как ты мог подумать, что это сработает, Артур? — усмехнулся я, растрепал волосы и уткнулся лбом в пол. — Это же не разменная монета. Но... может, я говорю слишком тихо? Поэтому не слышат. Или недостаточно хорошего сделал? — Пальцы скребли по гладкому камню. — Если попробовать чуточку громче...

Под ребрами закрутился воздушный ком. Я вдохнул горьковатый дым лампадного масла, смешанный с резким ладаном и вечной затхлостью Багряного храма. Продолжил раздражать стены священного места своей дерзостью. Окна задрезбужали, и я вжал голову в плечи.

Нельзя.

Я резко выпрямился. Тупая боль взвыла в коленях. Казалось, каменные плиты становились все жестче.

Если буду громким, меня уведут. Поймают, как крысу за хвост, и вернут в приют. Тогда конец тайным вылазкам. Зигфрид просто убьет меня.

Я судорожно нащупал магическую трость возле себя. Ее магия заколола пальцы, точно ежик иголками, стоило обхватить металл.

— Надо возвращаться. Надеюсь, господин не проверял комнаты, — бубнил я, заполняя пустоту.

А все равно не вставал.

Не потому, что ноги онемели. Я просто глупец. Или фантазер — так называет меня Гилем. В кожу, подобно чернильным кляксам, въелось неутолимое желание быть услышанным.

Даже не теми.

Потому что говорить страшно, но молчать — еще страшнее. В тишине, когда вокруг никого нет, я слышу собственный голос. Тот, что хочется задуть еще до того, как он пискнет.

Это мой второй надзиратель в личной Бездне.

Оба рвут душу на куски, проглатывают ее и выплевывают, начиная порочный круг заново.

Вот только никто еще не знает, что я задумал сбежать — ускользнуть из их липких лап в другую жизнь. Душа изнывала от беспомощности. Столько лет я по крупичкам выковыривал храбрость из всех щелей лишь затем, чтобы хоть немного уверовать в зыбкую надежду изменить судьбу.

Вороны все громче гоготали, надрывая глотки. Это Святые Благодетели злились на меня — чувствовали, что бессовестно хитрю, прося о немислимом.

Я сжал трость обеими руками — крепко, до ломоты костяшек, лишь бы ощутить опору, заглушить иную боль, от которой дрожит подбородок и нечем дышать.

Это бессмысленно.

— Отведи меня в Дом... — Мой приказ артефакту оборвался.

Створки на окнах с глухим стуком ударились о стены. Поток воздуха обдал мое лицо. Или это двустворчатые двери распахнулись? Не знаю, но сквозняк дул со всех сторон, пронизывал жилы и трепал шерстяной жилет со страшной силой.

«Пойман! — беззвучно вскричал я, припав к полу. — Как же глупо. Глупо, глупо, глупо... Я не должен был приходить. Не должен был вламываться сюда. Возомнил себя правым тревожить святыню».

Каждый волосок на теле встал пикой, ладони взмокли, а кровь тяжелыми ударами забила в висках. Я широко распахнул веки, ловя малейший шорох, ждал топот ночных стражников, ругань священнослужителей. Когда они схватят меня за предплечья и грудки. Я уменьшился в своем воображении до частички пыли, но сердце предательски билось запертой птицей, дыхание стало громким, ощутимым. Я задержал его.

Чего ждут? Не заметили? Или смеются надо мной? Хватайте же! Ведите.

Ожидание изводило. Пустота — выворачивала наизнанку.

Зрячие думают, что такие, как я, видят черный цвет.

Нет.

Я ничего не вижу.

И это «ничего» страшнее любого цвета. Это «тьма», в которой постоянно мерещатся лица тех, кто сжег дотла мой дом, убил родителей. Забрал у меня все. В день, когда с пламенем угас и свет.

Деревянные перекрытия стонали над головой — протяжно, с надрывом. Я считал их всхлипы и чем больше их было, тем меньше оставалось во мне храбрости. Мне представлялось, это ломаются мои хрящи. Оттого ежился.

Сколько еще выдержу? Нисколько.

Я до боли зажмурился, постарался уловить хоть какой-то звук жизни, но все было тщетно.

Или нет?

Резко, сам того не осознавая, я вскинул голову и напряг слух, будто так мог что-то увидеть.

Только что, лишь на миг... Я слышал дыхание. Свое? Нет, легкие до сих пор горят в тисках стальных когтей. Ребра сжали их, упрашивали меня сделать вдох, застрявший в горле сгустком. Тогда — не мой вдох — воздух дрогнул. Густел, согревал заиндевелые конечности и наливался едва ощутимым ароматом сушеных цветов.

— Бессмысленно говоришь. — Горячее дыхание опалило щеку.

Я отскочил, выронив трость. Слова незнакомца эхом троились в ушах вместе с режущим лязгом.

— Кто здесь?! — Мой голос взлетел и надорвался в конце.

Отползая назад, я оперся на правую руку и вытянул левую в попытке защититься.

В ответ — молчание. Оно удавкой закручивалось вокруг шеи.

— Вы издеваетесь надо мной? Не молчите! Я здесь не просто так. Я...

Я точно слышал, это не игра моего воображения. А потому удерживал голову поднятой. Знал: опущу — и проиграю.

Стану посмешищем.

На ладонях опять выступил липкий пот. Я потянулся, чтобы вытереть его о штанины, но отдернул себя. Остались бы следы.

— Как грубо, — фыркнул незнакомец. — Вы, люди, порой хуже дикого зверья.

— Так говорите, будто сами... не человек.

Этого просто не может быть. Такое бывает только в легендах и сказаниях. Или с ларками, но я не один из связующих.

— А кто я по-твоему? — спросил он, и воздух уплотнился.

Его присутствие заполнило пространство: каждый метр, каждый закуток обветшало-го здания словно превратился в сосуд, полный теплой воды. Могущественная сила обволакивала меня, вселяя первобытный ужас, и в то же время хотелось поддаться ее потокам. Неумолимо восхищаться ими. Трепетать.

— Говори. — Бархатный, но властный голос зазвенел в ушах.

Я вздрогнул, как очнулся. То была не просьба. Приказ.

— Б-бог? — выронил я.

— Невежественно отвечать вопросом на вопрос, — с ноткой снисходительного высокомерия, даже брезгливости начал он. — Мальчишка, не сам ли ты зывал ко мне? Чего же теперь удивляться.

— Д-да! — Я жадно вдохнул и закашлялся. Слишком долго не дышал. — Да, я вас звал. Простите, я... я звал.

— И вот я здесь.

Мысли бежали наперегонки, сталкивались, путались и лопались так же быстро, как появлялись. Ни одну не поймать.

— Здесь, — повторил я.

В нефе воцарился гул. Я вскочил на ноги.

А вдруг он уйдет? Исчезнет так же внезапно, как появился.

«Говори» — затроилось в голове, голосом, которого не бывает.

Слияние чарующей мягкости и стальной властности. Он растягивал безмолвие, значит ждал.

Сейчас или никогда.

— Я долго молился и зывал к вам. Надеялся, вы сможете исполнить мое желание. Одно единственное, — выдавил я из себя торопливое признание. — Знаю, нагло было предлагать мои добрые дела. Не так уж их много... И они для Маат, но... может, если есть самая малая вероятность, вы сможете подарить мне исцеление?

— Я не могу, — отрезал Бог.

Легко, небрежно. Как отмахнулся рукой.

И пришиб меня ею. Раздавил.

Вот и все.

Гнилой росток не может расцвести, точно так же, как мертвый птенец — рассечь небо.

— А в следующей жизни... если она будет. Я смогу видеть? Могу ли молиться вам об этом? Прошу, назовитесь.

Порыв воздуха обдал правое ухо.

— Кассиэль, таково мое имя. Вашего Бога Утешения. А ты, брнное дитя, как далеко готов зайти? Я не излечу твое увечье, однако могу сделать нечто иное. Вот только. — Он помолчал, верно, размышлял стоит ли заканчивать мысль; я снова задержал дыхание. — Воистину ли хочешь лицезреть этот мир? Ты уже видел его гнусные стороны. И спасся волею Марвы. Незрячий может убежать от скверны в фантазии. А может видеть то, что сокрыто от глаз других. Заглядывать под личины, за которыми так любят прятаться люди. Осознаешь ли ты это? Все равно хочешь прозреть?

Я сглотнул.

Мать всегда строго твердила не брать больше положенного. Но мне кинули кость, а я и правда хуже изголодавшейся собаки. Хуже зверья.

— Хочу, — твердо сказал я и сжал ткань на груди. — Больше всего на свете. Я сделаю что угодно. Хочу снова видеть свет, цвета, выражения лиц, небо. Видеть небо! Только скажите, все сделаю. Все отдам.

Я тянулся к своему спасителю, хотел ухватиться за него, за единственную нить, способную вытащить меня из непроглядной тьмы. Поймать его, чтобы он не исчез, не бросил.

Доказать себе — это реальность, не фантом.

Усмешка сорвалась с уст Кассиэля. Я не придавал ей значения, да и не смог бы. Сердце барабанило так, что удары отдавали пульсацией во всем теле, от пят до макушки. Казалось, еще вот-вот и оно не выдержит, остановится.

— Назови свое имя, — велел он и легким движением приподнял мою голову за подбородок.

Пальцы были мертвецки холодными, колючими. От них по рукам побежал озноб.

— Мое имя Артур Лансерберг.

— Что ж, Артур, — Кассиэль крепко сжал челюсть, — раз твое желание искреннее и чистое, я попробую исполнить его. По-своему и с одним условием. Ты должен хорошо подумать, прежде чем его принимать. Сделку будет не разорвать.

Тогда звуки исчезли: завывания и створки умолкли, вороны перестали трещать — сама природа проявляла интерес. Температура резко упала, будто я спрыгнул в ледяную купель. Меня трясло. Внимание всецело было приковано к существу и словам, что слетали с его языка, как благословение, которого я ждал слишком долго. Целых девять лет.

— Я дам тебе здоровые глаза, чужие, — продолжил Бог, — взамен ты отдашь мне свое сердце.

— Но я же умру.

— Может быть. А может и нет. Я сказал, что попробую, а не исполню. Магия непредсказуема, и даже мне неведом исход. — Кассиэль говорил с каким-то весельем, точно его забавляла пришедшая на ум идея.

Зачем ему мое сердце? Как он его заберет? Это больно? Чьи глаза я получу?

Рой вопросов жужжал, но ни один я не осмелился задать. У меня нет права плевать в Бога недоверием. Вдруг он меня проклянет? Отправит в Бездну.

— Каков твой ответ, Артур? Желаешь ли обрести зрячесть, зная, какую цену должен заплатить?

Я открыл алчный рот, чтобы выкрикнуть ему согласие, и не смог.

Лицо матери вспыхнуло в пустоте. Неподвижное, безжизненное, красное в свете огня, каким я запомнил его в последнее ее мгновение. Оно миготом потухло — осталась тошнотворная вонь металла. Осела в ноздрах. Я знал этот запах — так разит свежая кровь, когда она багряной лужей растекается под телом. Такая же омоет плиты храма, когда из дыры в моей груди хлынут горячие струи. Огромной, вязкой воронки.

Меня дернуло назад. Когти Кассиэля расцарапали щеки. Обжигающе. Глубоко.

Нет. Я должен отказаться.

Немедленно!

— Я...

«Желаю» сорвалось с невесомостью шапки одуванчика на пороге знойного лета и предопределило мой рок.

Не Марва — Богиня Судьбы.

Я сам.

В этом была моя правда. И моя главная ошибка.

Истина всегда таится в мелочах, непримечательных, блеклых. Кому она нужна? Куда приятнее вообразить свою и проклинать реальность, простую, топорную, потому ненавистную, из уютного кокона выдумок. Иллюзии — вот чем тешат себя люди. Я не исключение. Порочное

увлечение, заразное, как хворь, оно манит, вызывает зависимость, что становится и не зависимостью вовсе. Не пороком — частью обыденности.

И кто знает, возможно, родился я изначально слепым, не увяз бы во лжи. Не скорбел бы столь ярко, не тосковал бы по пляшущим теням, по оранжевым бликам, по звездам, рассыпанным на гобелене ночи, по тонким морщинкам улыбок и радостному блеску глаз. Я до безумия изголодался по краскам мира. Довольствоваться одними отголосками воспоминаний — значит обречь себя на неизбежную тоску. Картинки давно выцвели, скоро совсем исчезнут, как бы я ни старался их удержать, как бы бережно ни хранил свои сокровища. Все рано или поздно сотрется в пыль. Время бескомпромиссно, а смириться с утратой, единожды получив дар видеть, невозможно.

Глава 2 Артур. Глаза

Едкая вонь выдиpала меня из сна. Я хотел обратно — в пустоту, но чьи-то пальцы держали голову, не давали уйти. Глухие слова пузырились и лопались, отсекая возможность вынырнуть, разобрать хоть одно.

«Это не голос Кассиэля. У того троился и звенел, а этот хрипит, царапает», — подумал я. Мысль мелькнула и пропала.

Боль пронзила череп и грудь — острая, как осколки стекла под веками, стоило лишь попытаться их разлепить. Я застонал, дернулся перекатиться на бок — и напрасно. Грубые, холодные руки рывком вернули на место.

Ничего не вышло. Я в Бездне. Умер. Теперь... это мое наказание? Желудок сжался в ком, стало невыносимо жарко. Нет. Нет, только не это. Я почти не дышал, мотая головой на грани сознания.

Превозмогая резь, я открыл глаза и вынырнул из тьмы в... свет. Глаза щипало, жгло, простреливало — и вдруг я понял: они видели.

Не воображаемые картинки, не миражи воспоминаний. Свет. Настоящий. Но радости не было. В груди засел гнет — он давил и будто ворочался под ребрами, пробуя плоть на вкус. Въедался в меня.

Что-то не так... Я упорно всматривался в размытое марево перед собой.

Раздалось шарканье, тяжелое, словно кто-то волочил ноги, затем всплеск воды. Кряхтение. Или кашель?

Я весь сжался. Когда наконец разглядел незнакомца — зрочки бусинки — по коже побежали мурашки. Следом их смыл хлесткий поток ледяной воды.

Подскочив, я чуть не упал со скамьи, вцепился в деревянную спинку и часто задыхался.

— Очнулся! — раздался возглас над ухом. — Да придут с тобой Святые Благодетели. Паренек, ты как? Болит где? — спрашивал старик, ставя кувшин на пол.

Он подхватил меня за предплечья и помог ровно сесть, принялся суетливо вытирать сухой тряпкой влагу: сначала волосы, потом лицо, шею, только одежда все равно уже промокла насквозь.

Я поморщился, уворачиваясь: от его рук несло нашатырем. Под ним угадывался другой, знакомый запах — сухих трав и сдобы. И этот ритмичный стук... Точно. Четки. Я запомнил его еще в прошлые визиты.

— Глухой что ли? Слышишь нет? — Он заглянул мне в лицо.

— Болит. Но уже не так... Вроде, отпускает.

Я потупил взгляд, прячась от него. Не знал куда смотреть и замер на своих черных ботинках, прислушивался к интонации; с подбородка ручьем стекали капли воды.

— Где? Покажи... да подними ты голову, не видно ж ничего.

Шершавая ладонь накрыла лоб.

— Горячка спала. — Он кивнул самому себе, завернул рукава заношенной белой рубы с золотистыми вышивками и поднес кувшин к моему рту. — пей. Давай-давай, наша Талинверская вода кого-угодно из когтей воронов вернет, не отдам им тебя. Вот так, маленькими глоточками. Сам утром набирал, а ведь не хотел, ноги, все ноги гудят, да дернуло же. Чувствовал неладное. Успел.

Старик говорил по-доброму, как отец. Я называю такие голоса солнечными, но сейчас этот свет только обжигал.

Пока он промокал пряди, я разглядывал его лицо — первое, увиденное за долгие годы слепоты. Сухое, скуластое, в паутине морщин, с длинным носом и редкими седыми бровями.

Карие глаза, нетронутые отпечатком улыбки, с неподдельным ужасом изучали меня в ответ. А может, то была жалость. Я не понял.

«Почему вы так смотрите?» — думал спросить и молчал.

На его тощих запястьях ритмично постукивали белые камни.

— Ты мне скажи, зачем артефакт украл? — спросил старик, присаживаясь рядом.

Он указал на трость. В ее стеклянном набалдашнике с ручьями трещин переливался синий огонек.

— Не крал я ничего. Моя это трость.

— Ага, как же. Тц-тц. Верни, иначе тебя еще сильнее покажут.

— Да что вы такое говорите! — Я сорвался, но тут же сник, перебирая пальцами. — Не карал меня никто. Я пришел молиться, все же знают, что у вас замки повыбиты, а мне очень надо было именно ночью. А дальше... кое-что произошло. Как долго я был без сознания?

— Да если б знал! — Он оживленно взмахнул руками и затарахтел: — Прихожу, тут ты лежишь, как неживой. Перепугал меня, жути навел. Ты зачем ночью пришел, а, паренек? Время посещения для кого сделали? Не для того, чтобы всякие шастали, когда им вздумается. Из какого приюта? Спасения? Или Милосердной Гвиней? Лучше говори — стражи с тобой церемониться не будут.

— Поймите, днем никак не мог! Я больше не приду. Только не зовите стражей. Прошу. Мне нельзя.

Он помолчал-помолчал, пронзая меня взглядом, и свел брови к переносице так сильно, что те задрожали.

— Тебе, по-хорошему, и в город нельзя. Местные не поймут же. Да ведь не могу я тебя прятать здесь, сам получу, если ты ну... дел натворишь. Жизнь дорога. Хотя четки мои на тебя не чернеют. — Он поднял руку, показывая белые бусины.

Я вытаращился. На душе стало еще пакостнее. Внутри зашевелилось что-то липкое и холодное: чувство, будто мне чего-то недоговаривают. Он все смотрел на меня, как на зачумленного.

«Нет же! Демоны не при чем, меня услышал Бог! Я теперь зрячий!» — хотелось закричать, но я сдержался.

Нельзя ему ничего рассказывать.

Солнечные лучи пробрались на плиты храма.

— Уже звенели утренние колокола? — Напрягся я.

— Звенели, а что?

— Убьет... Зигфрид меня точно убьет, — забормотал я себе под нос, вскочил на ватные ноги. — Со мной все нормально, вы зря переживаете. И не болит уже ничего. И... и мне надо идти, меня... — Горло сдавило, словно шипастая лоза обвила шею и душила, отнимая голос.

«Меня ждут родители, я не из приюта», — хотел соврать я. Как угодно отбодаться, лишь бы обошлось без стражей и Зигфрид ничего не прознал про храм. Но тщетно глотал воздух: ни слова не мог выдать, как ни пытался.

Что происходит? Нет, черт возьми, в самом деле. Что происходит?!

— Эй, ты чего? — Старик подскочил ко мне.

Я схватился за шею и скрючился, пережидая боль.

Думай, расставь все по местам. С Кассиэлем был уговор лишь на сердце. Мог ли он проклясть меня? Проучить за дерзость? Нет, глупость, до этого я свободно разговаривал и все было в порядке, значит причина в другом, в чем же...

Стоп.

Я сбросил руки священнослужителя, судорожно подхватил трость и побежал. Так быстро, как только мог. Тело отказывало.

На воздух. Скорее. Вырваться из давящих стен, скрыться от образов Богов на выцветших полотнах, от их осуждающих взоров.

Я с трудом приоткрыл тяжелую дверь Багряного храма и протиснулся в щель, пока старик кричал мне что-то вслед.

Свет тут же ослепил меня.

Мозг лихорадочно привыкал к изобилию красок, пятен, лиц — всего, что обрушилось на меня разом, и от чего я отворачивался, уткнув взгляд в землю.

Я постоянно фантазировал об этом дне — когда снова увижу мир. Он должен был стать лучшим в моей жизни. И вот сейчас грезы превратились в явь, только не было ни детского восторга, ни счастья, ни даже намека на скромную радость.

Ничего светлого.

Ноги еле передвигались, запинались друг о друга, цепляли гнилые корни, камни, путались в густой траве. Я несея прочь, и вид у меня, наверное, был такой, что любой принял бы за одержимого. Я и сам уже так думал.

Не перепутал ли Бога с демоном?

С тем ли существом заключил сделку?

Потому что не мог поверить своим ощущениям.

Задыхаясь, я бежал, спотыкался, падал, снова бежал, заставляя сердце стучать громче, явственнее — да-да, сердце! В моей груди точно билось сердце.

Чужое.

Чье?!

Я сам стал другим.

Если бы только знал почему! Если бы знал! Да и это ничего не дало бы. Ведь кости брошены, каждый получил свое, и я должен ликовать, но не мог. Все нутро кричало, отторгала то, что поселилось внутри и выживало прежнего меня из собственного тела. Утягивало в мрак. Я не мог радоваться, не мог наслаждаться полученным даром. Да не дар это вовсе. Проклятье.

«Нет. Со мной все нормально», — мысленно повторял, как заклинание, проносясь по тропе к улицам. — «Кассиэль дал глаза. Я просто испуган. Это просто шок».

«Десять... двадцать три...» — Я по привычке считал шаги.

Преодолел путь от Багряного храма и вбежал на улицы Талинвера. В Среднем районе я знал каждый закуток — выучил, когда бродил ночами. Но зрение все сбивало, мир плыл, и цифры путались. Я бежал, не разбирая дороги, боялся поднять глаза.

Вышел из тени — и врезался в толпу. Запах лечебных снадобий окутал горькими нотами и йодом. По ушам били крики женщин в зеленых косынках — они спорили за прилавками, перетирали растения. Мелькали смазанные лица, красные руки травников, прохожие задевали плечами и тут же оборачивались. Их взгляды царапали спину, стоило замедлиться.

Что? Чего уставились?! Шепчутся, о чем они шепчутся? Обо мне? Зачем? Или мне кажется? Нет, вон, даже пальцем тычет! Стражника зовет... Почему? Почему? Почему? Не смотрите на меня!

Сто... Сколько шагов я уже сделал? Сто пятьдесят? Или больше? После двухсот должен быть поворот.

Казалось, еще чуть-чуть и я точно забуду путь, заверну не туда, снова собою со счета, и хотя ноги несли сами собой, я все равно считал.

— Юноша! — за спиной послышался суровый оклик. — Постой!

Тот же самый стражник уверенно двинулся ко мне.

Бездна! Неужели старик уже успел пожаловаться на меня? Нет... слишком мало времени прошло. Дело в моем виде? В лохмотьях? Счел меня за беспризорного...

— Эх! А ну стоять! Держите его!

Мой взгляд запрыгал по торговой улице в поисках решения.

«Нет, не то, не то, думай, тоже нет...» — молнией пронеслось в голове.

А потом я рванул сквозь толпу, не смея оборачиваться назад. Лавировал между незнакомцев, расталкивал и продирал себе дорогу. С разбегу ударил ногой по гнилой ножке телеги. Та хрустнула, накренилась — и на мостовую хлынул оранжевый поток. Апельсины покатились под ноги, брызнул сок, базар взорвался криками. Тучный торговец взвыл, замахал руками — люди шарахнулись, запрудив улицу.

— Мои апельсины! Дрянь!

Я юркнул в узкую щель между зданиями, продолжая нестись, и думал, как хорошо больше не чувствовать на себе липких взглядов.

Наконец выбежав в Плющовый квартал, а понял я это по каменному столбу-указателю с вырезанным в нем плющом, я прошел еще пятнадцать метров и завернул за угол в безлюдный двор, тесный и не очень приятный на вид. Передо мной возвышались кованые черные ворота с маленькой калиткой. Она вела к Дому Милосердия — одному из приютов для сирот Талинвера.

Вот ты какой.

Я застыл перед воротами, не смея шагнуть ближе. Девять лет я знал этот дом по голосам, запахам, шагам, по шершавым стенам. А теперь видел — впервые.

Он стал моим вторым пристанищем. Первого меня когда-то лишили.

Мой взгляд жадно впитывал трехэтажное здание из песчаника, поросшее буйным виноградником, что вился от самой крыши — на солнце светлое дерево многочисленной кровли наливалось медовыми оттенками. Бронзовые трубы сверкали.

«Все обойдется. Расскажу им, как было, они поймут, защитят. Они же меня знают. Мы... мы же семья», — уверял я себя, но открыть калитку не решался.

Сглотнув, я толкнул калитку, и та взвизгнула ржавыми петлями.

Поднявшись на крыльцо, я провел ладонью по двери — облупившийся лак царапнул кожу. Изнутри доносились бубнеж, звяканье посуды, приглушенный смех.

Я медленно отворил дверь и заглянул внутрь. Шагнул из рассветной серости в плотную тьму прихожей. Голоса стихли или мне показалось? Каждое движение сопровождалось скрипом половиц. Я вжался в подвешенную на крюках верхнюю одежду и притаился. Пять секунд, двадцать, тридцать. В легких закололо. Я позволил себе выдох — тихо, в пропахшую пылью ткань.

Пронесло.

Всегда ли я так хорошо видел в темноте? Здесь ни огонечка, — подумал я, разглядывая на кривом пуфике двух плюшевых кроликов в цветных заплатках — это малютки Мелл и Чиары. Не упустил и книг Гилема, вываливающихся из сумки. Он никогда их не ценил. А я ценил. Особенно когда он читал нам вслух, чтобы мы хранили его вылазки в секрете.

Чем дальше я всматривался, тем отчетливее видел неровные швы на игрушках, драные углы страниц, темные пятна от дармоедов на обивке, стенах. Усилия вызвать в душе хоть искру тепла сильнее затягивали узел чего-то темного, влекущего вниз. В воздухе прорезалась гниль, сладковатая, как изо рта больного. Я отшатнулся от курток, как от чего-то грязного. Раньше меня это не заботило, а теперь от запаха выворачивало. Набалдашник трости зацепил подбородок. Я и забыл, что подобрал ее. Поставил артефакт у стены, отступил и сразу вернулся. Взял с собой.

«Все дома», — мельком подметил я, продвигаясь в глубь мимо шести пар обуви.

Значит сейчас семь утра или около того.

Войдя в коридор, украшенный с одной стороны гербариями, с другой — детскими рисунками, я крался к повороту в конце — там была кухня, в которой все уже завтракали. Половину прохода занимал комод, забитый настолько, что верхние полки можно открывать лишь придерживая за углы — иначе перевернется и задавит тебя.

На нем стояли ваза, масляный светильник и портрет молодой женщины в рамке. Госпожи Эльзы. Зигфрид до сих пор по ней скорбит. И мы все скорбим. Рамка была увита засушенной лозой, а по нижней кромке стекла кто-то выложил рядом темные, сморщенные зерна граната — символ вечной любви, предложение руки и сердца. Только пожениться они уже не успели. Если бы она не пошла в тот вечер на нижние улицы...

Пальцы сжали штанины. Дыхание участилось.

Невозможно забыть, как истошно тогда кричал Зигфрид. Кричал про одержимых и про то, что сына наместника Иксафира не выдали на очищение Аделисам. Ему даже не позволили увидеть тело — так и схоронили пустой гроб. Может, получи он отпущение, не возненавидел бы так сильно дом, которому любимая посвятила жизнь. Может, если одержимый получил снисхождение, то и меня не казнят? Я же не одержим. Нет же? Чтобы там ни думал старик в храме — он просто религиозный фанатик.

Я сбежал из дома после комендантского часа, затемно, и рассчитывал вернуться до подъема. Но опоздал. Теперь высечет. И ничего, пусть. Переживу.

— Идиот ты, Гилем, вот кто. Месяц будешь полы драить! — рявкнул Зигфрид голосом, будто им можно прибить, как кувалдой.

— Да за что, господин Фалькенберг?! Артур сам ушел, я то причем? — возмутился Гил с присущим ему нахальным тоном.

Услышал свое имя — и перестал дышать. В животе потянул тошнотворный голод. Что меня ждет?

Неспешно ступая по застеленным тонким ковром половицам, я добрался до неплотно прикрытой двери в кухню, аккуратно прижался к косяку и всмотрелся в щелочку проема. Хотелось дать себе немного времени спокойно рассмотреть всех, понаблюдать. Легкие сразу наполнил аромат дешевого прогорклого масла, хлеба.

— А чтобы неповадно было самому сбегать, думал я не знаю? — отрезал Зигфрид и усмехнулся, грубо постукивая ножом по доске. — С тебя мелкий гаденыш пример взял.

Его грузная фигура с угольно сальными волосами стояла ко мне спиной. Думал, окажется высоченным, а он — бочонок.

— Господин, не злитесь, — нерешительно влез в разговор усыпанный веснушками парень, то был Далан, он все смотрел в тарелку с кашей и не смел поднять взгляд. — Мы правда со вчерашнего вечера не видели Артура. Пришли с Гилом с занятий и сразу спать. Ну... я сразу... то есть, мы все.

— Кучерявый, ты меня раильскими сказками не заговаривай, — бросил Зигфрид через плечо, шурясь. — Я вашу шайку-братью хорошо знаю, только так покрываете. Вот все и ответите. Этот хотя бы от ночных стражников улизнет, а Артур? За шкуру мне его приволокут, всю душу вытрясут. Позорит меня, уродец. Аллана, ты-то куда глядела?! — Он всплеснул руками, но старая женщина — наша экономка — и не подумала обращать на него внимания. — Все добренькие-добренькие, а чуть что, как падаль на дохлое сбегутся. Нам и так в этом году меньше пожертвований Янтарный храм дал, сам его придушу, если из-за него... — Он резко выдохнул и вогнал нож в подставку с песком. — Все. Чтоб после комендантского часа отсюда ни ногой.

— Несправедливо! — подскочил Гил, уперевшись ладонями в стол.

И зря. Мигом получил от Зигфрида подзатыльник, припечатавший его обратно к стулу.

— Ха! Про справедливость решил заговорить? Нет ее! Нет! А ты, — он ткнул жирным пальцем в лоб Гилу, — будешь голос повышать, еще получишь, ясно? Совсем уже к старшим уважение потеряли. Только и знаете, что слово поперек горла вставлять. Ни жизни не знаете, ни опыта толком не имеете, а замки строите, да вот они же вас и задавят, и где же тогда будет, спрашивается, ваша многоуважаемая Маат? А?

Гил потупил взгляд, сжав кулаки на коленях под столом, и поджал губы. Понимал, не выдержит — хуже будет. И Далан это понимал, потому крепко держал край рубахи друга.

— То-то же.

— Да утомонитесь вы?! — вспыхнула Аллана, стукнув хлебной корзинкой по столу. — С утра пораньше надоели. Гар-гар! Гар-гар! Невозможно с вами.

Она принялась заправлять выбившиеся волосы в зеленую косынку, и ее красные руки от вечной работы в снадобских лавках, так и бросались в глаза. Почти у всех женщин в Талинвере такие: жесткие, шершавые. Ударит — весь день потом будешь с отпечатком ходить. Не того порядка женщина, чтобы спорить с ней, потому Зигфрид со скрипом отодвинул стул и грузно упал, ворча себе под нос. Сдался.

Гилем с давящими веками на глаза таранил взглядом господина Зигфрида, несмотря на попытки Далана что-то шептать ему. А потом вдруг откинулся назад и, сцепив замок на затылке, с широченной улыбкой сказал:

— Да будет вам, госпожа Аллана. Вам без нас скучно было бы. Дал, чего застыл? Ешь скорей, опоздаем. — Он взъерошил ему волосы. Повернулся к девчонкам и щелкнул пару раз перед той, что сонно ковырялась ложкой в каше. — Чиара, первый-первый я второй, база вызывает Чиару. Посмотри на Мелл, она скоро и твою порцию сметет, ты за ней в оба глаза следи, — смеялся Гил.

Темненькая макушка дернулась. Чиара с круглыми глазами, словно сова, уставилась на Гила, а потом на ее щеках выступили ямочки. Она заболтала ножками, как сестра. Мелл ерзала рядом и энергично болтала головой, вслушиваясь в разговор. Обе были бледные-бледные и худенькие.

— Вот вы взъелись на него, господин Зигфрид, а наш Гил голова смышленная. Родись он в благородном доме, точно дипломатом бы стал. Держи еще галету, с собой возьмишь.

Ногти заболели, и только тогда я заметил, с какой силой сжимаю косяк. На дереве остались полумесяцы. Я никогда не мог быть таким же, как Гил. Мой лучший друг. Он самый старший среди нас, ему только восемнадцать, а уже заручился покровительством знатного дома. Ничего, через три года и я таким стану. Наверно.

Пропади Гил, его бы точно искали.

— Разбалуετε, госпожа Бальтерваль, сами потом с ними и мучайтесь, — язвительно брякнул Зигфрид.

— Его поискать бы надо... вдруг, что случилось, — робко, с нотками заискивания, чтобы не разгорячить, подал голос Далан.

— Кого? А! Иш как заговорил. — Шмыгая носом, Зигфрид намазывал паштет на кусок хлеба. — Сбежал и ищи его, всем будто делать нечего. Неблагодарный поганец. И где только шляется со своей палочкой. Зачем притащил ее, Гил, бестолочь! Такую еще найти надо, выкрал небось. Отвечай, украл?! — Он резко наклонился через стол.

— Нет! Друг достал за услугу. — Гил поднял ладони.

Зигфрид хмыкнул.

— За услугу, говоришь. Смотри, чтоб из-за этой услуги ко мне не пришли.

Аллана многозначительно кашлянула, и господин недовольно отвернулся.

Парни молча переглянулись между собой.

Надо выйти. Если сделаю вид, что только пришел... может, обойдется.

— Найдется, найдется, куда он денется, — видя, как мальчишки тревожатся, сказала Аллана, — вы главное кушайте хорошо и на занятия ступайте, а господин со всем разберется.

С полминуты Зигфрид супился, стуча пальцем по столу, потом вдруг остановился и выпрямил горбатую спину. Сально улыбнулся одними уголками губ, чем-то ободрившись, и пробурчал:

— Разберусь, поспрашиваю наших, сам поищу. Так и сделаем. А вы нос не суйте, усекли? Все, закрыли тему.

Ложь. Зигфрид лжет! Не будет он меня искать.

Глаза прострелила боль, я зажмурился и отпрянул от косяка.

С чего я это вообще взял?

Понимание возникло из ниоткуда. Но я был уверен. Просто... *почувствовал*. Столь же отчетливо, сколь видел новыми глазами.

А потом раздался детский визг. Я вскинул голову и перестал дышать, сердце упало куда-то вниз. Дверь в кухню была открыта. Как? Кто ее открыл? Я?.. Из проема на меня вылился весь свет утреннего солнца.

Черт.

Стул с противным скрежетом проскользнул по полу, выпуская Чиару из-за стола. Она бросилась к госпоже Аллане, схватилась крохотными ручками за кружевной фартук и уткнулась в него. Я резко обернулся, ожидая увидеть за спиной... грабителя, демона, одержимого, кого угодно! Но нет. В коридоре никого не было.

Был только я.

Аллана держала в обеих руках тарелки, хлопала белесыми ресницами, а когда наши глаза встретились, она вскрикнула, выронив обе посуды, и прижала ладони ко рту. Тарелки со звоном разлетелись на осколки. Далан, Гил и господин Зигфрид застыли. Только Мелл ничуть не смутилась, продолжала озорно поглядывать на всех, точно ничего и не произошло.

Секунда, еще одна.

— Э-эй, вы чего... это же я, Артур. — Голос предательски дрожал.

Третья. Четвертая.

Зигфрид стрелой вскочил с места и завопил с остервенением:

— Дал, Гил, живо за стражниками! Аллана, уводи мелких наверх! Запрись! — распорядился он, схватил кухонный нож со столешницы и вышел вперед, заслоня собой остальных.

— Г-господин... постойте... — Я попятился, вытягивая руки перед собой.

«Объясни им! Расскажи все! Скорее, ну же!» — кричал внутренний голос, но язык отказывался слушаться.

— Дрянь, все-то вы не вымрете, всех губите, — цедил Зигфрид, впиваясь взглядом, в котором не было ничего, кроме ненависти.

Аллана грубо схватила Мелл за руку, стащила со стула и, прижав к себе вместе с плачущей Чиарой, словно мать защищающая своих детей, поторопилась прочь. На долю секунды я заметил, как Мелл обернулась и вытянула ко мне хрупкую ручонку. Ее большие голубые глаза округлились, безмолвно спрашивали: «Что случилось?»

Грудь болезненно сжало.

— Этого не может быть, — тихо бормотал Далан. — Он не мог... не мог...

— Заткнись! — рявкнул Зигфрид. Одним рывком, не поворачивая головы, он вытащил парней из-за стола и толкнул их в сторону смежного прохода. — За стражниками, быстро!

Спотыкаясь, Далан вылетел из кухни. Звуки детского плача, криков, грохота, доносились отовсюду. Осели в ушах.

— Глупый паршивец, надо ж было связаться с гнилью! Чего ради, чего?!

«Он мне ни за что не поверит, никто не поверит», — пронеслось в голове, стоило взглянуть на Зигфрида.

Морщины змеились по его лицу, желваки гуляли, а жилы на шее натянулись струнами. Я уже был для него мертв. Я был для него не воспитанником, а монстром. Таким же одержимым, что когда-то убил его любимую.

— Бездна, Артур... ты и правда пошел на сделку... — наконец сказал Гил.

Он один смотрел на меня не с гримасой, а... любопытством? Удивлением?

— Не... — лишь подал я голос и захлебнулся. Не воздухом. Словами. Они будто превратились в тысячи шипов и сдавливали горло.

Трость с глухим стуком упала. Я скрючился в кашле, царапал шею, но пальцы ничего не находили. Проклятый ошейник не снять.

Опять. В храме было то же самое. Теперь здесь.

«Весы мироздания всегда ищут баланс», — вспомнились слова Кассиэля, и пазл сложился.

Глаза видят, дают почувствовать ложь, а взамен — карают за любую попытку соврать самому. Тогда я не знал, что боль можно превозмочь. Не мог сказать, что Гил ошибается. Что я никем не одержим. Не заключал сделок с демоном.

— Только с Богом... Я заключил... сделку, — задыхаясь, я мотал головой. Отступал, пока лопатки не уткнулись в стену.

— Заткнись! — рыкнул Зигфрид и ринулся ко мне, замахиваясь ножом.

Я закрыл голову руками и зажмурился.

Мне конец.

Весь съежился в ожидании удара. Но... его не последовало.

Медленно открыв глаза и все еще глотая воздух, я поднял голову. Гилем вцепился в Зигфрида со спины, еле удерживал его за предплечье. Он спас меня.

— Отпусти, идиот! — завопил Зигфрид.

— Пойдите, господин! С чего вы взяли, что он одержим?! Что если у него получилось? Прошел испытание и подчинил себе силу демона!

— Чушь! Мозги все вам запудрили! Все сосуды прокляты! Нельзя их подчинить! Нельзя! — Он указал свободной рукой на меня. — Нашего Артура больше нет. Есть безднова тварь! Такие глаза могут быть только у демона. — Зигфрид сорвал хват.

— Глаза? Что с глазами? — вырвалось у меня.

— Всех вы забираете! Всех губите! Грязные демоны. Сгиньте!

Я оставался неподвижным — просто не мог шевельнуться. Смотрел, как Гил отчаянно сдерживает рывки Зигфрида, тащит назад и беспрерывно умоляет остыть.

Внезапно Зигфрид застыл, разом окаменел и прищурился на Гилема.

— Ты... — Его брови подлетели, смяв лоб в гармошку, и все лицо вытянулось, пораженное мыслью. — Ты с ним заодно, да? А может и сам давно демон? И меня в могилу утянуть хотите, душу мою сожрать! Не позволю! — Выронив нож, он вцепился в горло Гила.

Безумец... он вконец обезумел.

Гилем кряхтел, задышался, тщетно вырывался из тяжелой хватки. Господин не давал ему и шанса, душил все сильнее.

Он же так убьет Гила... И меня. Нужно что-то делать. Срочно. Хоть что-то! Я судорожно прижал ладони к груди.

А потом замер. На полу мерцал синий огонек в стекле.

Я подхватил трость и с размаху ударил Зигфрида набалдашником по затылку. Он остановился, руки его расцепились. Гилем тут же обмяк, жадно втягивая воздух. На его шее отпечатались яркие багровые следы. Пошатываясь, господин обернулся ко мне, коснулся рукой головы — на ней осталась алая кровь. Чуть постоял с краснющими глазами на выкат, разомкнутыми губами, тупым выражением лица. И наконец упал.

Что-то мокрое тронуло пальцы, я выронил трость и дергано обтер их о себя. Это кровь стекла с набалдашника.

Я перестал слышать все, кроме громохота сердца в ушах. Пульс расходился по всему телу. Руки дрожали, но разум был чист. Я знал, что должен делать. Должен защитить их от Зигфрида. От себя.

Гил оперся ладонью о стол и еле поднялся. Я в два шага оказался рядом и, схватив его за плечи, затараторил:

— Запомни все, что сейчас скажу. Все! Стражники скоро придут, они помогут. Скажи, что господин пытался убить тебя, он опасен, где я ты не знаешь, сбежал, понял?! — Я встряхнул его, убеждаясь, что Гил в сознании. — Больше ты ничего не знаешь, про трущобы молчи! Повтори!

— Артур... я и правда ничего не понимаю, — захрипел он. — Что случилось? Просто Расскажи...

— Нет! — с напором перебил я.

— Так нельзя. — Гил вцепился в мой ворот. — Что с твоими глазами? Почему они... черт, ты же теперь видишь. Ты видишь меня! Они тоже тебя выбрали?

— Что? О чем ты... Нет... неважно. — Я опустил голову. — Просто сделай, как я сказал. Ты ничего не знаешь, я скрылся, на тебя напали, отметины на шее это докажут. Сделай все, чтобы защитить себя и остальных.

— А ты? — спросил он, будто и не слышал всего, что я твердил.

— А я... уйду.

— Издеваешься? — со злостью бросил Гил, поднял меня за грудки. — Что значит уйдешь?!

— Ты знаешь, как все относятся к одержимым! Сначала старик в храме, теперь Зигфрид меня принял за одного, думаешь другие будут иного мнения? Чушь! В городе уже хотели задержать, пока шел к вам. Не могу я остаться, иначе... иначе и вы будете в опасности. Вас будут подозревать!

Его хватка ослабла, руки безвольно упали вдоль тела. Гилем все понимал и знал, что делают с теми, кого заподозрили в одержимости. Им дорога под лезвие Аделисов.

— Ты не можешь... мы же... мы семья, — сказал он, и губы его исказились в подобие улыбки.

Кривой. Скорбной.

Черты в глазах размывались.

— Я смогу именно поэтому. Защити их. — Я крепко обнял его и рванул за порог.

Бежал, не смея оборачиваться, иначе бы дрогнул и все бы испортил. Этот город больше не примет меня, никогда. Им не обязательно следовать той же участи, рушить свои жизни, когда есть шанс на будущее. Пусть оно будет хотя бы у них. Свое я продал за глаза.

Так будет правильно.

Издали доносились топот и голоса стражников.

Трость осталась там. На кухне. У тела Зигфрида. Там же остались моя прошлая жизнь и часть меня. Я бежал с тарабаниющим сердцем и молил только об одном: пусть они выживут. Пусть они выживут. Пусть они...

Воздух кончился внезапно — легкие взвыли. Я перешел на шаг, уткнув подбородок в грудь. Мимо текли прохожие в дрянной одежде, заношенной обуви, грязью под ногтями, и каждый их взгляд был как прикосновение мокрой тряпки к загноившейся ране. Я чувствовал кожей — смотрят здесь по-другому. Не так, как на средних улицах. Хуже.

Мужчина в засаленном чепчике, с плешивой бородкой, сидел сбоку дороги и наблюдал за мной исподлобья, как ящерица за мухой. Он лениво крутанул нож, расколол грецкий орех, не сводя с меня глаз.

Я резко отвернулся.

Знает, что я чужой. Поджилками чую.

Но он меня не боится.

Так, может... может, со мной все нормально? Тогда отчего остальные...

Недалеко ржала лошадь, брусчатка шуршала под копытами. Я зажался в поросшем сорняками переулке. Дальше Плющевого квартала никогда не заходил — это граница Среднего района с Нижним. Трущобы для нас — чужой мир. Здесь, внизу, никто не жалуется чужаков.

Странники, одержимые, знать — все враги для вольников, которых аристократы с Верхнего района скармливают демонам, чтобы отвести тех от себя. Вольники — щит. Только с клыками, которые отрастили, чтобы выжить. Знать презирает их, но боится. И я боюсь.

Что теперь? Они за мной? Или стража ищет кого-то другого? А если за мной... прочь из Талинвера. Сейчас же.

Рука сама собой вытянулась, но привычного стука впереди не прозвучало. Я сжал пустой кулак. Выглянул наружу, пытаюсь понять в какую сторону двигаться — безуспешно. Соломенные крыши, заколоченные окна первых этажей, два ряда деревьев и ни единого столба-указателя. Опавшие листья клена мешались со звуками тележных колес, стуком кувшинов с «лечебной глиной» и парфюмерными бальзамами — телеги были загружены ими доверху. Брызги летели на брусчатку от тряски и разносили по улице ароматы мяты, мыльной розы и мака.

Звуки лошадей смолкли. Я прислонился спиной к стене, и шею коснулся влажный мох. Поднял взгляд — и содрогнулся.

На противоположном доме висела мозаика из осколков зеркал. Я вжался в стену, будто хотел, чтобы заросли поглотили меня и спрятали от того, кого я в ней увидел.

Хотелось отвернуться, сделать вид, будто ничего не произошло и просто уйти. Проигнорировать так же, как игнорировал догадку, осевшую пылью в животе с тех пор, как я вошел в город. Она не переставала тянуть ни на секунду. Все дергала и дергала нерв. Сейчас затихла.

В стеклянных кусочках отражалось с десятков чудовищ. Их желтые, светящиеся глаза следили за мной, руки повторяли мои движения. Я подошел вплотную к всклокоченному, худому существу. Нижняя губа у него дрожала. Он заскреб ногтями по лицу, оставляя красные борозды, зажмурился и принялся тереть веки, будто это могло что-то изменить.

Нет.

Ничего уже не изменится.

Мне не содрать шрам, протянутый поперек глаз. Жутких, уродливых глаз. Радужки окутало пламя — не огненное, а блеклое, болотно-желтое, как свечение гнилушки. Вытянутые зрачки пульсировали в такт сердцу.

Чудовищные глаза.

И это чудовище — я.

— Бред, — пробормотал я, не слыша себя.

Таких не бывает у людей. Я одержим. Теперь демон съест мою душу? Будет мучать меня?

— Что я наделал...

Под ребрами кольнуло — и обожгло нутро. Черт.

Я тут же сбросил на землю накидку, стянул рубаху через голову. Весенний ветер обдул голую кожу, пустил ворох мурашек по ней, и все мышцы разом натянулись. Вдоль груди, на стороне сердца, отчетливо проступал рубец, точь-в-точь как на лице. Я провел по нему подушечками пальцев, неестественно гладкому, розовому, с острыми концами.

Грудь тяжело вздымалась.

— Это сделал Кассиэль. За что? — безжизненно прошептал я.

Уличный шум вдруг отдалился. Стал глухим, ненастоящим. Меня накрыл протяжный невыносимый писк. Я не мог больше там оставаться. Подхватил одежду и бросился вдоль проулка, на ходу надевая вещи. Отталкивался ладонями от стен, когда меня прибывало к одной. Очертания вокруг плыли. Разум отказался воспринимать окружающее, попросту не мог, не улавливал и не распознавал тех, кто попадался на пути. Я сосредоточил все свое естество, стараясь продержаться еще хоть сколько-нибудь, на главном — как можно скорее выбраться из лап улиц.

Я несся, не замечая, как брусчатка сменилась почвой, а песчаные стены — кустами и сучками деревьев. Ветки рвали кожу на щиколотках, хлестали по щекам и шее, оставляли жгучие раны. Я их не чувствовал.

Не от Аделисов я бежал, не от стражи. От правды. И правда эта была внутри.

Нога запнулась об огромные корявые корни, что лезли из земли, как черви в дождливый день, и я упал, покотился кубарем. Открыл глаза, а перед носом — лицо.

Оно застыло с выражением крика. Я закричал.

Оттолкнулся назад и пополз, взрыхля грязь подошвами, пока не понял — оно не живое.

— Я же бежал в Багряный храм... А оказался на Горе Тысячи Ликов. — Я мотал головой, натываясь повсюду на корявые лица в плотном тумане.

Слышал легенды про это место, как и каждый ламарантец, но видеть самому гробницу, сотворенную двенадцатью Святыми Благодетелями... Страшно. Просто страшно.

Лики демонов в деревьях были везде, смотрели в никуда и одновременно — все на меня. Вытянутые, круглые, с искаженными чертами и раскрытыми ртами они перетекали из одного в другое, сливаясь в виноградные грозди.

— Они же не выберутся? — Пальцы сжали землю.

Даже в окаменевшей плоти исполинской горы тлеет ярость низвергнутых сил, рвется наружу через мощные корни и стволы, оставаясь с выражением вечного крика, что никто не услышит.

Гил не был сказочником. Все эти легенды — правда. Кассиэль — правда. Демоны в стволах — правда. В храмах твердят, будто они прокляты. Врут.

Варган, покровитель путников, надеюсь, твой ветер никогда не найдет меня. Не скажет, где упрятаны сосуды с тьмой. Не хочу могущества, испытаний. Я не странник, не герой. Я поверил Богам — и погубил себя.

Хочу назад. В слепоту.

Я упал на спину и неподвижно лежал, хватая ртом воздух. Мышцы пульсировали от напряжения.

— Так хотел его увидеть, а в нем ничего такого и нет, — подумал я, глядя на небо. Место, где сокрыт Небесный Чертог, обитель Благодетелей.

Вихри белесых облаков неподвижно возвышались надо мной. Лишь ветер создавал иллюзию движения и напоминал о том, что время идет. Он перешептывался с лесом, а я подслушивал, как делал в храмах. В святилищах я ловил ушами истории, если везло — мольбы. Они доказывали мне: у каждого свои тягости. Здесь же — шелест красной и желтой листвы, щебетание птиц и шелканье веток. Все предзнаменовало перемены, к которым я не был готов.

Ветер снова подул, и поредевшие кроны затрепетали. Солнечные лучи скакали по лицу, мерцая, слепили глаза, но вовсе не грели ни кожу, ни душу. Настоящая подлость, что именно сегодня такой хороший день.

Новое сердце просто было не способно чувствовать его свет, как и понять, что в нем хорошего. Наверное, прошлый владелец этого поломанного органа не знал добрых чувств. Был ли он тоже проклят им? Или... оно его собственное и почернело именно потому, что он знал их, но утратив, не выдержал.

Как я не выдержал слепоты.

Потерял будущее, цели. Семью и сердце способное любить. Себя.

Слезы скатились по вискам.

«Ты и правда выжил». — Голос соткался из ниоткуда.

Я подскочил. Мир закружился, сотня искр вспыхивала и тут же гасла.

«Смог принять их. Твоя звезда вышита золотой нитью на гобелене Марвы. И моя, раз услышать тебя суждено было именно мне».

— Где ты? Покажись! — кричал я. Лихорадочно озираясь, но никого не было.

Слышал ли я его? Или только *хотел* слышать?

Голова закружилась от жадного вдоха. Воздух был насыщенный. Землистый.

«Артур, каково человеку обрести зрячесть в обмен на слепость души?»

— Ты знал, что так будет с самого начала. Верни! Верни все как было! — Я вскинул голову к небу.

«Ценна ли жизнь, если ты не способен возрадоваться ей и можно ли назвать это жизнью? Или все вздор и даже волочение опустошенного существования не пародия, а тоже жизнь? Ответ». — Кассиэль говорил, пронзая мое сознание множеством своих наслаивающихся друг на друга голосов. Он не обращал на мои мольбы и крохи внимания.

— Не издевайся надо мной. Не смей! Не смей играть! Забери глаза, верни сердце! В бездну твою сделку!

«Знай свое место, человек. Мое терпение не безгранично», — ровным тоном бросил мне Бог. — *«Тебе должно благодарить меня за то, что я исполнил твое желание. Разве у вас не так принято? Неблагодарное существо».*

— Благодарить? — оторопел я. — Какой смысл в глазах, если я даже порадоваться тому, что вижу не могу?! Ничего не могу. Не чувствую. Только злое, гадкое теперь в моей душе... Ты меня... ты... — Колющая боль не позволяла закончить фразу. — Да что за чертовщина!

Кассиэль засмеялся, как гиена над падалью. Надо мной, будто я сказал нечто невероятно глупое.

«Ваше невежество несколько забавно». — Ледяной порыв обдал затылок. Я обернулся к пустоте. — *«Я даровал тебе то, о чем ты просил и забрал то, что обещал забрать. Здоровые глаза в обмен на сердце. И разве не счастье, что они видят ложь? Я не обманывал тебя. Ты сам обманулся своими ожиданиями».*

Он замолчал, а потом добавил почти с сожалением:

«Я был уверен, что ты умрешь. Глупый, везучий мальчишка».

Я наконец остановился и забормотал в ступоре. Кроны деревьев продолжали кружить.

— Зачем... зачем тебе это? Ты же Бог. Боги не могут быть столь...

Жестоки.

В ответ — ничего. Звон голосов стих, уступил шепоту демонического леса.

Птица вспорхнула неподалеку, я вздрогнул вместе с ней и рухнул на колени в сырую землю. Слов не осталось. Только безысходная боль. Я вцепился в ткань на груди до судорог в пальцах и выпустил утробный вопль, раздирающий гортань. Кричал, пока связки не закололи, а из горла не полез сухой, сипящий хрип. Воздух кончился. Бог молчал.

Что мне теперь делать теперь? Что?!

Это не моя вина. Я зывал к Богам так же, как и все. Кассиэль обвел меня.

«Твоя. Ты замахнулся на то, что обрести не должен был, не так», — сказал мне нежный внутренний голос. Мамин.

Нет!

Я сцепил кулаки на земле и уткнулся в них лбом.

— Ненавижу, — еле слышно процедил я то ли себе, то ли Богу, то ли судьбе.

«Может, стоит обнять дерево, и пусть Лики заберут меня? Тогда все закончится», — стоило мне подумать об этом, как чьи-то руки крепко схватили меня за шкуру и впечатали в дерево.

Спина взвыла от острых углов коры, что впились мне в лопатки, удар выбил остатки воздуха из легких и сдавленный стон.

— Не убивайте! Не надо! Умоляю! — сипел я, отбиваясь руками.

Молниеносным движением незнакомец придавил грудь тяжелым предплечьем. Леденящее прикосновение металла обожгло подбородок — он поднимал лезвием мою голову.

Бледно-серый мужчина громоздился надо мной, источая смертоносную ауру, вонь соли и дыма. С щетиной, шрамом на всю правую скулу и угольными волосами, влажными от пота, он всматривался в меня черными глазами, точно душу вытягивал. Сперва его редкие брови подскочили, всего на миг, и сразу сдвинулись к переносице. Он цокнул языком.

— Только зря время потратил, — прорычал он прокуренным голосом и отпустил меня. Я схватился за шею, вжимаясь в ствол. На пальцах растеклись скудные капли крови.

— В-вы не убьете меня?

Незнакомец достал из-под плаща огниво, трут и сигару. Зажал ее в зубах, высек искру и прикурил. Совершенно спокойно, будто только что не собирался вырезать мне кадык.

— С чего бы? Ты не демон, — разочарованно заключил он.

Я выдохнул и плечи опустились.

— Слава Святым... — Я осекся и прикусил язык. Отодрал кусочек коры ногтями. — Как вы это поняли? Вы Аделис? — выдавил я хрип, уставившись на человека, чье одеяние тонуло в черноте.

Мужчина смотрел на меня сверху вниз с прищуром хищника, не надменно, не уничтожительно — изучающе. Он поднял руку к моему лицу и постучал указательным пальцем под правым глазом. Сухо сказал:

— Твои глаза, они блестят.

— Блестят?

Он сделал тягучую затяжку.

— Ага. У демонов и одержимых глаза, как у дохлой рыбы. Под каким углом ни смотри, все одно. И знаешь почему? — Мужчина усмехнулся и внезапно оживился, будто долго ни с кем не разговаривал. — У демонов нет души, вот и лакомятся чужими. Обглаживают и присваивают тело дурака. Пусть хоть наизнанку вывернутся, а их гниль никуда не деть. Глаза все с потрохами выдадут, — закончил он, поджал челюсть и умолк на полминуты. А затем — я и дернуться не успел — обхватил мое лицо шершавыми пальцами и прошипел: — Потому ты не демон, но и на человека не смахиваешь. Что ты такое, а? Горят они у тебя так...

— Чудовище? — выплюнул с желчью, позабыв о страхе.

Его треснутые губы скривились в ухмылке.

— Не зазнавайся. Все мы чудовища. Вопрос лишь в том, уважают тебя, презирают или ни во что не ставят, — сказал он и, отпустив меня, зашагал прочь.

Я стоял в полнейшей растерянности. Мужчина так и не ответил, кто он, но эта странная встреча избавила меня от разъедающей тревоги. В сознании впервые за долгое время воцарилась тишина. Это был настоящий дар.

Черная спина отдалялась. Лес скрипел. Я смотрел на него — человека, чья темная сила звала за собой. Причины не было, однако я знал: с ним я выживу. А может, найду новый смысл. Я оттолкнулся от дерева и пошел за ним. За тем, кто был еще большим чудовищем, чем я.

Глава 3 Элеонора. Партия

9 лет спустя

Никогда еще так сильно не хотелось уметь останавливать время. Чтобы раз — и тишина. Где не надо никого терпеть и ничего объяснять: почему ты молчишь или что у тебя с лицом. Не надо кого-то из себя строить.

Я скользила взглядом по длинному столу, широкому и гладкому, как спинка жука. Ловила блеск столовых приборов, аромат жареной крольчатины и слушала бессмысленный треп.

— Удалось договориться со священнослужителями Рубинового храма. Церемонию проведет их главный ларк, — сказала Фелиция, размешивая нектар в вине.

Она сидела в центре и улыбалась кончиками тонких губ, как положено тем, кто знает о своем превосходстве. Хотя морщины на лбу и одна между бровей были словно вмурованы в лицо. Никакой мед не усладит гадкий язык этой женщины.

Ками подалась к ней:

— Вы удивительны, Ваша Светлость! Жду не дожусь Вечера Золотых Уз, чтобы стать Альтенбург.

— Разумеется, дорогая. Это твой день. Главное, чтобы брак состоялся. Не хочется повторения досадной истории. — Она покосилась на тетю Джанет по ее левую руку.

В глазах Фелиции блесело торжество.

— Не переживайте. — Джанет отставила кубок и повернулась к ней, заправляя темную прядь за ухо. — Это было слишком давно, чтобы вспоминать. Камилла ни черточки не унаследовала от своей тети, вся в Роджера. И меня. Я позаботилась о ее воспитании. К тому же, если подумать, только к лучшему, что все так сложилось с Лукрецией, иначе мы бы не породнились с вами. У Марвы на все свой замысел.

— Верно. Вы на стороне Империи. — Фелиция подняла кубок, Джанет тоже.

Я фыркнула — и тут же получила под столом от Ками по ноге.

Что? Мои брови выразительно подскочили.

Она покачала головой и отвернулась.

Но это правда фарс. Еще вчера в доме не было ни одного знака лояльности императорской семье, а сегодня, куда ни глянь, везде букеты с колосьями: на столе, подоконниках, тумбах. Даже шторы сменили с серебристых на золотые.

— Ставлю вальдор, что она приѣдет тебя, если ты что-нибудь выкинешь, — шепнул мне Рон.

— Оставь свое золото при себе. Лучше скажи, где твой брат? Из-за него я пропускаю фехтование.

Он пожал плечами, забавляясь.

— Наверно, Игнар в шахтах Роджера. Они хотели заехать туда после городского совета. Должны скоро быть.

— ...С ее смерти и правда много воды утекло, время безжалостно... Элли, напомни, сколько тебе лет? — Я услышала свое имя и дернулась.

Ко мне обращалась Фелиция.

Бездна.

Я выглянула из-за Камиллы (она сидела слева) и с натянутой улыбкой ответила:

— Двадцать, Ваша Светлость.

— Уже совсем взрослая. Совершеннолетие не за горами, твой день рождения весной, если не ошибаюсь. Джанет, дорогая, вы выбрали партию для младшенькой?

— Еще нет. Роджер только присматривается к парочке домов, — уклончиво ответила та.

— А я говорил, что так будет, — пробормотал Рон.

— В смысле? Зачем? — резко спросила я, уставившись на Джанет.

Дядя ничего мне об этом не говорил.

— Как зачем? — Она впила в меня взглядом, удерживая на лице безукоризненное выражение. — Чтобы исполнить долг перед семьей. Построить свою, укрепить узы. В конце концов, стать *настоящей леди*. Не все же время Роджеру потакать твоим прихотям.

Пальцы смяли брюки.

— Разве я... — я сглотнула, — не должна перенять дело Роджера? Если выйду замуж, у меня не будет права...

Их смех, противный, колючий, будто иголки всаживали, окатил меня жаром и вдруг отдался, стал шумом на фоне пульса в ушах.

— Назвала тебя взрослой, а ты тут же глупости говоришь. Не тем забита светлая головушка, — цокала Фелиция и прибавила вполголоса: — Не хватило вашего воспитания. Яблочко от яблоньки.

Я встала. Все уставились на меня.

— Мне... Джанет, я кое-что забыла в библиотеке. Прошу меня простить, — сказала я ровным тоном и, не дожидаясь разрешения, вышла из-за стола. Неудобные туфли натирали и стучали по дубовому паркету.

— Характерная, — слышалось за моей спиной.

Закрыв дверь, я прислонилась к ней. В лопатки давили объемные узоры.

— Ладно твоя ненависть к маме, я проглотила ее, но это... — Ногти до боли впились в ладони.

Думала, Роджер больше не считает меня *«ошибкой»*, что увидел потенциал и потому был так строг. Чтобы я стала достойной его места преемницей. А он решил выдать меня, как холемую скотину. Я для него такой же политический капитал, как Камилла.

Не прощу.

Кулаки задрожали от силы, с которой сжимала их.

Роджер ждет покорности? Тогда надо было иначе растить. Безвольных подчинить — не задача. Они и не воспротивятся, наоборот, радость сыграет: ни выбирать, ни решать, следуй, куда поводок дергают, да и все. Сами понесутся за умелым дрессировщиком. Еще и счастливы будут. Но волевых ломать? Увольте — себе дороже. Эго взбунтуется. Гордость не позволит смолчать.

Мое эго. Моя гордость.

Я не сломаюсь.

Хотя и те, и другие искренне верят в благо порядков. Камилла верит, Джанет. Им для счастья свобода от мук выбора требуется, убежденность в принадлежности к общему. Даже если сущность не той формы — извернутся, лишь бы в чужое платье втиснуться.

Я так не хочу. Не буду.

Хочу выбрать сама. Даже если выбор — мука. Даже если пожалею о нем. Только так останусь собой.

Выбирать из предложенного другими — тяжело, из отобранного самолично — еще тяжелее. Но именно эта тяжесть ответственности и делает тебя личностью. Той, что проживает, а не проходит жизнь. И это та тяжесть, которую я понесу. Потому что страшнее любого выбора — будущее, где я даже не попробую. Я проживу *свою* жизнь. Не чужую.

Услышав скрип половиц под чьими-то шагами, я отошла от двери.

К слову о дрессировщиках.

— Так и знала, ничего ты не забыла в библиотеке, — зашипела Джанет, прикрыв за собой дверь. От каждого ее движения россыпь хрустальных бусин на корсете переливалась тихим звоном. — Прекрати выступать и сделай физиономию проще. Знаю я твои уловки, Элеонора.

Ты сейчас же вернешься со мной и будешь улыбаться, будто это лучший день в твоей жизни. Ясно?

— А если не вернусь?

Она взметнула руку — я вся сжалась, но тут же заставила себя поднять на нее глаза.

— Чего остановилась? Не хочешь следов оставлять? Вы с ней из одной колоды, только ты — трефы, а она — пики. Удивительно, как еще не спелись, ты же *так* стараешься.

— Паршивка, следи за своим языком.

— Кстати, не боишься, что тебя *в этом* увидит Роджер? — Я демонстративно окинула взглядом ее фиолетовое платье. Открытый лиф, золотая вышивка, голые плечи.

Старое — сразу видно. И куплено не на деньги мужа: слишком вычурное. Оно — отражение того, что Роджер презирает.

Светлая кожа мигом покрылась красными пятнами, оттеняя идеально прямые темные волосы, что струились до поясицы. Камилла точная копия Джанет. Красива и элегантна, вот только в сестре нет той железной хладнокровности, что отпечатана в лице этой женщины. У меня всегда возникал вопрос, глядя на нее: *насколько именно* хладнокровной ты можешь быть?

Так же глубоко, как Роджер прячет под землей свои богатства, Джанет скрывает ядовитый нрав. До путеводной звезды Варгана в небе ближе, чем до их тайн.

— Ты побледнела, все в порядке? — Я силой вскинула брови и жалостливо округлила глаза. Шагнула к ней. — Подожди, у тебя что-то на лице. — Она перехватила мою руку и сжала кисть так крепко, что я не могла выпрямить пальцы. Стиснув зубы от боли, я мягко улыбнулась ей. — А, нет. Ты просто подвела глаза. Показалось — грязь.

Джанет вдруг отпустила меня и, делая вид, что отряхивает ладони, сказала:

— Ты груба, но я прощаю тебя на этот раз. Юность, вспыльчивость: сама через все проходила. Вижу, как непросто тебе дается учеба, из-за нее голова может кругом идти, а расшатанные нервы — беда.

Лгунья. Все у меня отлично с учебой, я просто пропускаю ненужное.

В груди осел воздушный ком. Тяжелый, он давил на ребра, то раздувая, то сужая их.

— На что ты намекаешь? — вкрадчиво спросила я, чувствуя собственное дыхание.

— Как на что? Очевидно, тебе нужна более спокойная обстановка. Была такой тихой малышкой, когда обучалась на дому. Я поговорю с Роджером, чтобы он забрал тебя из Академии Мудрого Ориона. Эта затея изначально мне не очень понравилась, но что ни сделаешь, ради жаждущего впечатлений ребенка. Насладилась?

Я насупилась.

«Если нападаешь, будь готова, что на тебя нападут в ответ», — вспомнила я наставления дяди, протяжно вдохнула через нос и отступила.

— Ты права, — только начала я, как натянутые уголки ее губ рухнули. — Все равно программа для девушек напичкана глупыми предметами. Так будет к лучшему, Джанет.

— Вы все это время были здесь? — Из-за створки выглянула темная макушка.

Сестра вошла в коридор и прикрыла за собой дверь.

— Камилла, зачем ты оставила Фелицию? Иди сюда. — Джанет обернулась и мигом переключилась на нее, начала поправлять прическу. — Перестань трогать шею, ты задеваешь волосы и открываешь висок. Шрам видно.

Я цокнула языком.

— Да, мам.

— Нуарваль еще пожалеет о своем решении. Не расстраивайся, моя красавица. Ты все равно станешь герцогиней.

— Мам, все хорошо. — Ками отстранилась от назойливых рук Джанет. — Пойдем, неприлично заставлять ждать. Тем более Рональду, кажется, уже плохо от компании его матери. Я сижу между ними, как под стрелами!

— Не говори так! При ней, — хохотнула Джанет и вошла в зал.

— Элли, чего застыла? Пойдем. — Ками схватила меня за руки и потянула за собой, пятясь. Теплая, нежная, милая.

На секунду буря в груди развеялась, а потом сестра резко отпустила меня и сделала поклон, склоняя голову.

— Счастье вас видеть, Ваша Светлость.

— Прошу, обращайся ко мне просто Игнар, когда мы в непринужденной обстановке, — послышался за моей спиной мужской голос. — Изумительно выглядишь. — Он поцеловал тыльную сторону ее ладони.

«Как давно Альтенбург там стоит?» — судорожно трепыхалась мысль.

Я развернулась и встретила карие глаза, два хризоберилла. Хищные. Без искры тепла. Он смотрел на меня, как Маат перед обедом.

Ками незаметно ткнула меня локтем в бок. Я опомнилась и быстро поклонилась.

— Всех благ небесных, *Ваша Светлость*.

— И тебе благосклонности Чертога, Элеонора. Ах да, пока не забыл, Роджер просил тебя зайти к нему после обеда. — Он улыбнулся одними губами.

— Конечно.

— Сначала десерт, потом все остальное! — проворковала сестра, обнимая меня за плечи.

— Дамы. — Игнар открыл дверь и пропустил нас вперед, придерживая створку.

Бездна. Прислуга уже доложила Роджеру? Или он заметил, что я копалась в его вещах? Наверняка нас с Роном подслушивали. Идиотка. Молчи, как Орион. У стен есть уши, а у ушей — Роджер.

— Я согласна, — прошептала я Рону, как только опустилась на стул.

— Уже репетируешь Вечер Уз? — усмехнулся он, отпивая вино.

— Я о твоём предложении в библиотеке. До завтрашнего вечера успеешь?

Его рука замерла, Рон покосился на меня и отставил кубок.

— Элли, я же пошутил тогда... Ты просто расстроена из-за дневника и слов твоей тети.

— Я серьезно.

Белесые брови свелись у переносицы. Со стороны гудели голоса, обсуждали предстоящий Вечер и переезд Ками.

— Уверена?

Цокнув, я отодвинулась от него и расправила салфетку для колен.

— Понял. Собери вещи. Минимум.

Шаги тонули в черном ковре с тканым серебряным узором. Роджер точно не из-за Джанет позвал. Он не принимал ничью сторону в наших склоках — они оставались грязным бельем, которое дядя не выносил за порог дома. И мы не выносили. Врагов хватало и без внутренних дразг.

Перед высокой двустворчатой дверью я остановилась. В пустом коридоре прижала ухо и прислушалась: скрипел наконечник пера, шуршала бумага. Звук замирал — и я переставала дышать. Оживал — и я вместе с ним.

Выдохнув, я отрывисто постучала: два раза быстро, один — медленно. Ладонь обхватила витиеватую бронзу ручки и толкнула створку. Закатное солнце ударило в зрачки, слепящее, как огонь. Я сощурилась и только потом выдохнула:

— Могу войти?

— Подойди, — не глядя на меня, сказал Роджер.

Я шагнула и окунулась в ароматы горьких кофейных зерен и нагретого дерева. Лучи плавилась на ореховой мебели, и древесный рисунок темнел, проступая особенно четко.

Роджер протянул руку, не отрываясь от документов. Я взяла из его пальцев крохотную записку и спрятала в складках рукава. Знала его правила наизусть: «Ни о чем не спрашивать. Просто передать человеку, который заберет меня с Ками после академии. Спросят кто — сказать: кузен».

Вот она, моя тайная привилегия, которой я дорожу.

Дорожила.

— Ты позвал меня только за этим? — ровно спросила я.

— Нет.

Бездна. Точно знает. Про план с Роном? Или про чертов дневник Лукреции, который я стащила из его стола?

Роджер неспешно изучал рубин под лупой. Не поднимал головы. Я не смела сесть без приглашения, и молчание вдавливало меня в пол. В темных волосах дяди уже проглядывала седина. Он наконец махнул рукой и сказал:

— Сядь. Я скоро закончу.

Все так же не смотрел на меня.

Я опустила в одно из кресел. Мягкая кожа прогнулась под весом и обняла спину. Пальцы привычно скользнули по трещинкам обивки.

«Когда-то я любила это кресло. Как и все здесь, в тихой гавани застывшего времени», — думала я, рассматривая кабинет.

Вдоль левой стены возвышались встроенные полки, уставленные множеством часов, ни одни из которых, на моей памяти, не заводились. Вдоль правой — стеллажи со старинными книгами. В пространстве между ними громоздилась приколоченная голова льва.

Сухой кашель разорвал тишину.

Я вцепилась ногтем в нить шва и дернула, надрывая кожу. Опустила взгляд на журнальный столик — черно-белую шахматную доску, и продолжила ковырять шов. Пробежалась по лакированным фигурам. Они блестели на свету.

Опять сменил расстановку. Думает, я клюну?

— Ты слишком много времени проводишь в шахтах, — сказала я, когда приступ кашля стих.

— За людьми надо следить, Элеонор. Чем ближе держишь поводок к шее, — Роджер сжал кулак, — тем меньше у них шансов дернуться.

Он наконец оторвался от работы и снял очки. Тонкий метал стукнул о столешницу. Я сжалась. Дядя принялся массировать переносицу.

— Ты отказываешь присутствовать на Вечере Золотых Уз. Объясни.

Плечи опустились.

Не про дневник. Не про план.

— Да. Я не могу присутствовать на обете, который считаю ошибкой.

— Это не объясняет твой отказ.

— Все слишком странно, ты сам так не считаешь? Альтенбурги — наши прямые враги. С чего им предлагать союз? Не верю я в их предлог «объединить верхи и низы» аристократии. Тем более прекратить вражду.

— Союз был моей идеей, — вдруг сказал Роджер.

— Что... — вырвалось прежде, чем я поймала его испытывающий взгляд.

Роджер проверял реакцию, как фигуру на доске.

— Какой смысл нам отворачиваться от Нуарвалей? — Я попыталась исправить интонацию. — Можно найти кого-нибудь другого из *нашей* фракции. Игнар и Фелиция разрушат Камиллу. Из них всех только Рон нормальный.

Он выгнул темную бровь, и его вопрос прозвучал как пощечина:

— Хотела быть на ее месте?

— Я? Нет. Ни за что, — сказала я резче, чем стоило.

Тишина загустела. Я сцепила пальцы на коленях, боясь, что снова начну терзать обивку.

— И, кстати, об этом. — Я заставила себя посмотреть ему в глаза, почти не моргала, лишь бы выдержать некое давление. — Джанет упомянула, что ты ищешь мне партию.

— Все так. — Роджер усмехнулся. — Не переживай. Не обижу. Я вижу твои зубы. Но замуж ты выйдешь, это не обсуждается.

Он откинулся на спинку и застучал дужкой очков по столу. Я молчала, вдавливая язык в небо, чтобы не выплюнуть опрометчивую гадость.

— И Камилла выйдет. Ей уже двадцать один, ждать нельзя, пока я разберусь с Нуарвалем. Власть горделивца теперь-то пошатнулась после инцидента со старшеньким, и даже этого оказалось недостаточно. Все дорожки в итоге привели к Альтенбургу. Это шах, Элеонор.

Роджер снова закашлялся. Прикрыл рот платком, и на белой ткани расцвело темное пятно. Он накрыл его ладонью и улыбнулся — страшной, восковой улыбкой.

— Ты говорил, имперский запад душит, — тихо сказала я, делая вид, что не видела кровь.

— Пока душит. Вопрос времени, когда я объявлю мат. Кто знает сколько еще Нуарваль будет удерживать титул наместника. Надо действовать. И наш расклад сейчас лучший из возможных. Разве сама Камилла не хочет замуж? Или она тебе что-то говорила?

Я пожевала щеку.

— А должна была?

— Не знаю, ты мне скажи, о чем вы там, девочками, шушукаетесь. — Он прищурился.

— Мы не шушукаемся.

Бездна... не оправдывайся, Элли!

Я хотела отвести взгляд, но не позволяла себе.

— Ясно, — резюмировал дядя. — Наберись терпения. И не сближайся с младшим Альтенбургом. Не разочаровывай меня.

— Мы учимся вместе. Просто видимся.

— Ты меня не слышала?

Просто согласишься. Последний раз.

— Слышала. Не буду.

Роджер встал. Старое дерево пола потрескивало под его шагами. Он тяжело опустился в кресло напротив меня, перед шахматным столиком, и уперся локтями в колени.

— Что касается твоего отсутствия на Вечере. Воля твоя. Я позволю эту блажь при одном условии.

— Условию? — Грудная клетка сжалась.

Я потянулась к белой пешке.

— Не разрешал. — Он даже не повысил голоса, но моя рука замерла сама собой.

Роджер смотрел не на меня — на доску. Медленно поднял черного ферзя, взвесил в пальцах и вернул на клетку. Стук дерева о дерево — сухой, как щелчок замка.

— Как бы ты пошла слоном?

— h6.

— Глупо, — без злости, почти лениво сказал он. — Думай еще.

Я перевела взгляд на его лицо. Ничего не прочесть. Только глубокая тень под скулами и легкая складка между бровей.

— e7.

— Теряешь фигуру без боя. — Он откинулся на спинку. Кресло скрипнуло. — Думай.

Тишина заполнила пространство. Я улавливала, как со свистом входит воздух в его легкие. И как скребет мой ноготь по коже подлокотника. Я убрала руку.

— Обязательно слоном?

— Ход.

— f4, — выплюнула я.

— Нет.

Он не объяснял почему. Просто «нет». Как приговор.

— Я не знаю! — вырвался крик; голос сорвался.

Роджер поднял на меня тяжелый взгляд и вдруг ударил ладонью по столу. Я вздрогнула. Фигуры посыпались на пол. Никто из нас не двинулся поднимать их.

— А я знаю, — тихо, почти шепотом, произнес он. — Так почему же ты смеешь идти против моих решений?

Я сцепила руки под столом, пряча дрожь.

Он дал мне все. И теперь это «все» требовало платы.

А я не хочу платить.

Роджер медленно, одну за другой, начал собирать фигуры. Поставил белую пешку на исходную. Затем черную.

— Ты сместил ее, — процедила я, резко наклонилась и подхватила из-под его ладони черную ладью. — Она стояла на другой клетке!

— Докажи, — бросил он.

Мне нечего было ответить.

— Сыграй со мной по-настоящему, — сказал Роджер, не глядя на меня. — Выиграешь — останешься дома. Вот мое условие.

— Но это нечестно. Я никогда тебя не побеждала!

— Элеонор. Чему. Я тебя. Учил?

— Что есть честно, а что бесчестно никого не волнует.

Я мельком глянула на него: он был доволен. Уголки губ дрогнули в улыбке, и меня затошнило от самой себя — я ждала похвалы.

— Именно. Право выбирать содержание этого понятия есть только у победителей. Проигравшие давятся слабостью и подчиняются. Знаешь почему ты не можешь выиграть? — Он качнул белого ферзя и тот покатился по доске. — Ты заикливаешься на ней. А ход диктует целое. Ходи.

Тени медленно ползли по ковру.

Взяв белую пешку, я задержала ее в ладони.

Маленькая. Без власти, без права на сложный ход. Инструмент в руках короля. Но даже пешка хочет в ферзи.

Я передвинула ее на d4.

Это была игра не на Вечер — на жизнь, уготовленную мне Роджером. Жизнь, от которой я отказалась еще до того, как вошла в кабинет.

В ушах стоял грохот — такой, будто рядом разносили мебель в щепки и били стекло. Или... что на этот раз?

Нечто со свистом пронеслось у виска, обдав потоком воздуха.

Я вжалась в пол. Кафель.

Под ладонями крошились сухие лепестки. Стоило их сжать, и они превращались в труху. Запах трав душил — тошнотворный, как в лавке аптекаря.

Совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, кто-то рычал. Нет. Выл, низко, утробно, срывая связки. Голос сочился гневом. И болью. Я не видела лица, только сгусток тьмы в тумане, но этот звук ввинчивался под ребра. Некто крушил все, до чего дотягивался, и с каждым выдохом его агония затягивала просветы тьмой.

Оставалось сидеть и ждать.

Здесь бесполезно идти — тьма не расступалась, сколько ни шагай. Тени мелькали по краю зрения и гасли, оставляя за собой давящую тишину. А потом снова — хрип, тяжелое дыхание,

почти мольба. Он не мог выговорить ни слова, я — не могла ответить. Голос отнимало, как всегда в этом месте.

Я рывком поднялась и открыла глаза, будто вынырнула из воды. Обвела взглядом ряды стеллажей, камин, диваны. Библиотека. Напротив, на другом конце широкого подоконника сидела Камила с книгой на коленях. Она взволнованно на меня смотрела.

В груди колотилось, во рту пересохло. Ногти до боли впивались в краевой бортик — камень охлаждал кожу. Стоило шелохнуться, и с колен сползла книга — «Кодекс Варгана», путеводитель, который читала перед тем, как провалиться в сон.

— Снова тот кошмар? — Ками наклонилась и смахнула слезу с моей щеки. — Тот же голос?

Я кивнула. Никогда не рассказывала ей всего. Не потому что не доверяла — просто не могла облечь в слова то, что казалось бредом.

Мужчина. Незнакомый голос. Сотни раз одно и то же. Я сама не понимала, сны ли это — слишком ярко ощущалось. Слишком по-настоящему.

— Я не знаю, кто он, — сказала я наконец. — Не знаю, чувствует ли он мое присутствие. Ками молчала.

— Хочется верить, что это магия артефакта пытается до меня достучаться. Что это отец. Я выдохнула. Произнесла вслух то, что никогда не произносила.

Тот, кого я никогда не знала. Кого не знает даже Роджер. И даже если это не он... я все равно хочу найти его.

Между бровей Ками залегла тонкая морщинка.

— Ты... — Сестра коснулась моего плеча, но так и не закончила фразу. — Я бы, наверное, с ума сошла, если бы мне хоть что-то снилось.

— Вообще снов не видишь? Ни разу?

Ками покачала головой.

Я поймала в темном окне свое отражение — дрожащее от света канделябра, бледное. Косы совсем распустились.

Уже стемнело.

— Переплети мне их.

— Чего вдруг? Сто лет не просила. — Ками улыбнулась и придвинулась, подмяв под себя платье. — Иди сюда.

Она аккуратно расчесывала волосы пальцами. Я достала из рукава записку, на которой чернилами было тонко выведено:

«Информация будет, когда она переедет к А. Я должен убедиться, что их план в силе, иначе разладить А. и Л. не выйдет. Это ослабит А. с Ш., и Н. согласится. Продолжай угонять Н. на союз».

— Ками... — позвала я, смяв бумажку.

— Да?

— Ты от меня ничего не скрываешь? — Я прислушалась к ее дыханию.

Она замерла, а потом глухо рассмеялась и, заплетая косы, сказала:

— А я все гадала, что у тебя на уме. Конечно нет. Это из-за Игнара? Знаю, он тебе не нравится, но я правда хочу за него выйти. Мне не нужны пламенные чувства, глупо лелеять пустые надежды. Я хочу быть полезной. Тем более, есть ради чего. Этот союз даст нам много больше, чем ты можешь себе представить. Других причин нет, — мягко сказала она и развернула меня за плечи. — Готово! Красота.

Будто полезной можно быть только выйдя замуж. Глупо. Но это ее выбор.

Я посмотрела в отражение: два низких пучка, и по две косички из каждого. Моя любимая прическа. Улыбка тронула губы. Я натянула одну из косичек.

— Просто хочу, чтобы ты была счастлива.

«Пора», — подгонял внутренний голос.

— Элли, от тебя это слышать в разы приятнее. Так и скажи, что будешь безумно по мне скучать, — кокетничала она.

— Буду.

Я обвила ее руками и прижала к себе чуть крепче, чем обычно. Может, Ками заметила это и все поняла, а может и нет, но она тоже обняла меня сильнее. Окутывала своим ароматом ванили. Теплым. Сладким.

— Пойду переоденусь к ужину, — сказала я ей, спрыгивая с подоконника. — Ты тоже не засиживайся.

— Ага.

Выходя из библиотеки, я выбросила смятую записку в камин и побежала наверх. Благо, все были заняты приготовлениями к Вечеру.

В своей комнате я быстро стянула одежду. Переделась в бордовую рубашку и прилегающие кожаные штаны, крепко зашнуровала спереди корсет, закрепила легкую броню на левом плече и натянула сапоги до колена, проверила портупею с кинжалами на ляжках и рапирой на бедре.

Оставался последний штрих.

Я вытащила из-под кровати сумку. Из нее — разбухший по краям дневник.

Роджеру следовало уничтожить его, если хотел до конца делать из Лукреции предательницу. До конца отмахиваться от моих вопросов. К моей удаче, он счел допустимым оставить эту маленькую частичку сестры. Зря.

Пролистав дневник с оборванными страницами, я остановилась на последней записи. Вырвала желтый лист и оставила его поверх дневника на тумбе.

Этого достаточно.

Я вышла через задний двор. В тени сада пробежала к пристройке и завернула в проход между ней и забором.

— Я уж решил, ты передумала, — сказал Рон, увидев меня у калитки.

— Прости, задержалась. Достал? — спросила я и толкнула витые прутья. Петли взвизгнули.

— Отлично, я морозился, пока ты собиралась. Просто восхитительно. — Он бубнил, однако в правой руке уже протягивал короткий черный плащ, в левой — охранную грамоту.

Я взяла бумагу. На миг замерла, разглядывая серебристые переливы печати.

— Рон, ты лучший.

Он отвел взгляд и тронул нос указательным пальцем. Я быстро накинула одежду и спрятала документ в сумке.

— Если из-за этого я стану врагом твоего дяди, я найду на тебя порчу.

— Ты не веришь в порчу.

— Зато вполне верю в сэра Роджера. Он живьем меня съест, если узнает.

— Не если, а когда. — Я хлопнула его по плечу. Даже в темноте заметила, как у него округлились глаза. — Ради нашей дружбы, устрой ему несварение.

— Отдай назад грамоту.

— Поздно. — Тихо усмехнувшись, я подалась к нему.

Обняла.

— Для меня это много значит. Я бы не смогла достать грамоту сама.

Под глазами у него залегли тени. Он тут же демонстративно закатил их и ткнул мне ладонью в лоб.

— Запишу это на твой счет. Ты теперь моя должница, Элли. До Поляны Остывших Тел, — протянул Рон гласные, а потом вся веселость улетучилась. — Документ предъявишь на выезде. Лошадь возьмешь сразу за границей. Деньги у тебя есть?

— Есть.

— Хорошо. Главное, помни, у тебя максимум сутки, чтобы как можно дальше уехать от Иксафира. Роджер наверняка разошлет приказ...

— Да поняла я, поняла.

— Иди вдоль Леса Теней, но не заходи в него.

— Рон. — Я остановила его, сжав ткань на предплечье.

Он помолчал, потом положил ладонь мне на макушку.

— Мне надо возвращаться. Я хоть и раильское чадо в семье, но все же мать может что-то заподозрить. Удачи, Элли.

— Береги себя.

— Ты тоже.

Рональд еще смотрел на меня, когда я развернулась и зашагала в противоположную от главной улицы сторону.

Пути назад не было. Не для меня. Впереди ждало нечто новое, то, к чему я была готова. Так же, как когда-то мать.

Пальцы крепко сжали рельефный эфес. Я не считала Лукрецию предательницей. Она не испугалась следовать мечте о свободе.

И я не испугаюсь.

Я тоже хочу свободы. И мир увидит меня.

Последняя запись в дневнике Лукреции

«Роджер приехал сегодня. Без лекаря, без денег и лекарств, о которых я молила его. Я впервые его о чем-то молила. Единственное, что брат мне привез это брезгливое презрение. Как может родная кровь быть столь жестока? «Это не племянница. Это ошибка и единственная милость, которую могу тебе оказать, — исправить ее, если Боги даруют ей жизнь»: бросил он мне напоследок. Лучшему бы я никогда...»

(страница обрывается)

Глава 4 Артур. Задание

Острая боль пронзала ребра и лишь усиливалась по мере скользящих движений.

Гадство, их много.

Я сжал челюсти, запрыгнул на бочки и быстро огляделся: трое слева, двое справа. На моей стороне только узкое пространство переулка, как и всегда, когда загоняю их в подобные места.

Пары ошарашенных глаз наблюдали из окна. Дети. Я прокрутил рукоятку, ища сцепление. Им не следует этого видеть, но лучше поймут, как устроен мир, раньше, чем их сожрут в Нижнем районе бешеные твари.

Разбежавшись, я оттолкнулся и забрался по мятым решеткам выше, ухватился за протянутую между домами веревку для сушки белья. Быстро, четко, без единого лишнего движения. Тысячи повторений вшили это в плоть инстинктом.

Я рванул конец от крепления и дугой полетел вниз сквозь падающую одежду. Мокрые пряди разлетелись от лица. Снижаясь прямо на одержимых, я сходу нанес точный удар коротким мечом в шею первому, по инерции закрутился и вспорол лезвием горло второму, затем — третьему. Веревка лопнула с сухим треском; я рухнул на землю, перекатился и, достав второй меч, снизу вогнал оба клинка под челюсть ближней цели. Кровь брызнула мне в лицо, стекла по кисти. Не давая одержимому осесть, я с чавкающим звуком вырвал правое лезвие и метнул его в последнего. Ровно в лоб.

Грузное тело еще слишком молодого парня мешком упало на твердую землю. Я опустил левую руку, и мертвец соскользнул, а мои мышцы хоть немного расслабились.

Втянув носом запахи железа, мочи и йодистого океана, я смахнул влагу со лба и спокойно направился к одержимому, переступая через других. Они больше не были моей заботой. Очищение — да. Уборка — головная боль местных старост.

Я задержал взгляд на лице убитого, обезображенного безумной гримасой, бледностью и воспаленной сеткой вен. Мое сердце колотилось, как молот в наковальне: от нагрузки, не омерзения. Приподняв его за волосы, я вгляделся в красные, распахнутые глаза, что смотрели куда-то вдаль.

Хоть убей, не вижу того, о чем говорит Сайрус... Глаза, как глаза.

Уж не знаю, спасаем ли мы души и забирают ли их в самом деле вороны Ноктара на суд Маат или давно они сожраны демонами, а это — лишь оставшаяся оболочка, но в одном убежден:

— Сами виноваты, — пробормотал я, отпустив пряди, и перевернул парня на спину.

Тщеславие, наивность и глупость вас загубила, а могли бы... А уже все равно. Продали все человеческое в себе. Теперь пожинайте плоды, может, научите кого...

Я коротко взглянул наверх, и макушки мигмом спрятались за шторами. Высвободив меч, я обтер каждый клинок о черные штанины и спрятал их в кожаные ножны на поясе. Схватился за левый бок, вспоминая о еще не зажившей ране, полученной на вчерашних боях.

— Надо повременить с походами на улицу Дымящих Рук, — скрежеща зубами прохрипел я и подтянул маску на переносицу.

«Или уговорить Селин помочь», — тут же подумал я, но укорил себя за это.

— Только, если сама захочет. Я всего лишь спрошу.

Убираясь прочь с захудалого переулка, я вышел из тени в свет, и шум людной площади будто стих на несколько секунд. Всего на несколько — столько нужно, чтобы подчинить рефлекс испуганной воли, сделать незаинтересованный вид. И все же поглядывать из-под полы.

Торговцы продолжили рассчитывать местных за жирную поджаристую рыбу, которую везли через весь город из порта Девяти Ветров, женщины в пряных духах — зазывать купить

у них фрукты в полупустых корзинах, им помогали дети с фальшивыми улыбками и острым взглядом, а рыбаки — вяло тащиться домой с удочками и гнилыми от соли сетями. Я шкурой чувствовал липкое отвращение к моей форме, пропитанной кровью, любопытство, страх, редкий проблеск уважения. Они сочились отовсюду, как сквозняк через щели забитых окон на первых этажах. Дома с такими низкими окнами остались только в трущобах.

Пусть.

Смотрите. Бойтесь. Пресмыкайтесь.

В толпе мелькнуло знакомое лицо. Я дернулся в ту сторону. Гил?

Нет. Показалось. Девять лет прошло, а я все равно высматриваю ребят из приюта.

— Все? — робко спросил коренастый мужчина.

Я холодно посмотрел на него сверху-вниз, — не видел его прежде — на блестящий лоб, прорезанный глубокими морщинами, потрепанный жакет и шапку с колосьями. Он не смел поднять взгляд — тогда бы встретился с моим, янтарным, ядовитым, и потому суетливо бегал глазами от маски, которая скрывала половину моего лица, к броши на плаще и своим стесанным носкам. Что старые, что новые старосты: ничего не меняется.

— Раненых доставили в лечебницу? — спросил я, игнорируя вопрос.

— Именно так, господин Аделис, ими уже занимаются. Да выжжет их недуги Святой Адоникс, — помолился он и осекся, сминая край жилетки. Я бы усмехнулся, если бы не ждал следующих слов. — Двоих... двоих сегодня отправят на Поляну Остывших Тел. Мы передадим их семьям и проведем службу...

— Достаточно, — остановил я, сведя брови. — Замените люки. Эти твари лезут из канализации и не остановятся, если не укрепить выходы. Ясно? И так по окраине шастают.

— Ясно.

— Повтори, что я сказал.

Староста возмущенно вскинул квадратную голову, но встретил мой злобный прищур и потупился.

— На меня смотри, — приказал я.

Это его вина. И я хотел, чтобы он ею подавился. Если бы сразу обратились к нам, а не стражникам, которые плевать на вольников хотели, обошлось бы без невинных смертей.

— А... — замешкался он. — Надо заменить люки.

— Именно. — Обойдя старосту, я бросил руку на его плечо и прошипел: — Ты, видно, еще не освоился, так что я любезно подскажу. Орден Солнечного Креста не заправляет этими территориями. Нижний район — наш.

— Вы, Аделисы, думаете вам все позволено! — набрался дерзости мужчина.

— Да. Позволено. — Я сжал пальцы на плече. Костяшки хрустнули. — Потому что мы нужны вам как глоток сточной воды, которую ты будешь хоть из лужи лакать, если прижмет.

Его кадык дернулся. Вдалеке закричала свора чаек.

— Но имперские уже были здесь, я просто подумал...

— Не надо думать, надо впредь делать, как велят. Докладывать о любых подозрениях на одержимых должно нам. Сразу. — Я хлопнул его по спине. — Надеюсь, мы слышали друг друга. Жду отчет о замене.

Три тысячи сто пятьдесят шесть.

Идя в кромешной темноте, я различал каждую трещину в камнях, и знакомый запах плесени щекотал нос. В катакомбах пахло старой землей и чем-то сладковатым — кажется, грибами. Я ориентировался по памяти. Один раз пришлось затаиться: в запретном туннеле прорезалось и стихло эхо рыков. Их все больше и они все ближе.

Четыре развилки, две лестницы вниз, три вверх, два поворота — и я добрался до улицы Рифовых Нор, обойдя все завалы.

Четыре тысячи семьсот восемьдесят два.

«Как обычно в пределах пяти», — подумал я, отворяя дверь подвала.

Я поднялся по скрипучей лестнице в главный зал штаба, который находился на восточной окраине Вальтарии, что было чертовски неудобно. Он стоит недалеко от Верхнего района, когда нам постоянно приходится бегать к Нижнему.

В нос ударили запахи кожи, оружейного масла и пота — казалось, они въелись в плиты серых стен.

— Ну у тебя и видок. — Элион поморщился, заведя меня. — Мог бы хоть раз выполнить работу не запачкавшись с ног до головы. Мерзость, от тебя разит! Иди вымойся. — Он демонстративно зажал нос, лежа поперек на зеленом кресле.

— Пошел ты, — огрызнулся я, бросив сдобную булку в Элиона.

Тот поймал ее, заулыбался своей кривой улыбочкой на левую сторону. Элион был без сапог, в одной рубашке, словно и не ходил никуда.

— Ты вообще патрулировал утром? Я тебя не видел.

Он откусил приличный кусок и, активно жестикулируя, заговорил:

— Меня уже воротит от этих демонов! Они отвратительны. Сначала утром, потом вечером... Не хочу...

— Не называй их так.

Я упал на соседний диван и закинул ноги. Усталость мигом налилась свинцовой тяжестью в теле.

Как же, бездна, приятно просто полежать.

Сквозь пыльный витраж в сводчатом потолке струился глубокий приглушенный свет, рисовал на полу размытые тени. На стене висела одна из карт Империи, вся в булавках и пометках. Ничего не меняется.

— Хочешь того или нет, тело без души — кусок мяса. Я говорил и буду говорить — эти твари не заслуживают называться людьми.

— Попробуй повторить свои слова Селин, я позабавлюсь тем, как она открутит тебе голову. Или то, что у тебя вместо нее, — коротко хохотнул я и подтянул маску на переносицу. — Так что лучше выбирай слова, Элион.

Алая макушка тут же повернулась ко мне. *Задел.*

— Не перевирай. Ты знаешь какого я мнения. Они потеряли это право в ту самую минуту, когда уступили *им*. Сел не проиграла, и она выигрывает каждый день, — сухо сказал он, потеряв всю игривость в голосе.

— Ты так думаешь или знаешь?

Он закатил глаза.

— Ага. Поэтому она сидит в подвале целыми днями, а ты выполняешь двойную работу.

— Не слышу-у. Я не слышу твои гадости. Не возмешь! — Элион заткнул уши.

— Плевать. — Я устало вздохнул и прикрыл веки, наслаждаясь драгоценными минутами покоя. — В любом случае, если не будешь выполнять нормативы, на тебя доложат. Не угроза. Просто предупреждаю.

— Кто? Ты доложишь? — В его тоне проскользнула непозволительная дерзость.

Моя бровь изогнулась.

Нахальный мальчишка.

Я уставился на него неподвижным взглядом. Испытывающим. Он почти сразу отвел свой.

То-то же.

— Да-да, — как ни в чем не бывало отмахнулся Элион, — Густав меня живьем съест и до Сайруса не дойдет. Точно! — Он щелкнул пальцами, закинув последний кусок булки в рот. — Сайрус просил тебя зайти к нему. Поторопись, иначе тыковку открутят уже тебе, а не

мне, — сказал он и загоготал, довольный своим парированием, сполз поудобнее, устраиваясь дремать на своем любимом месте.

Я протяжно вздохнул и глянул на пропитанный кровью кожаный ремень, несколькими кругами опоясанный вокруг бедер и выше. Защищенный порез кровоточил, пульсируя, и это начинало досажать. Он не спешил заживать даже с исцеляющим артефактом. Заставив себя встать, я подошел к Элиону и взял его за ворот.

— Марш патрулировать.

— Эй!

Он вцепился в мой железный хват, попытался пнуть носком по челюсти — не всерьез, так, для виду. Я поймал его, он дернулся и обмяк. Понимал: если я могу швыряться булками и гонять его в патруль, значит, еще жив.

«Акробат несчастный», — подумал я, сбрасывая его на пол.

— Ладно-ладно! Понял. — Он потягивался с довольной улыбкой, словно рыжий кот, и я гадал, как ему удастся оставаться легкомысленным даже спустя два года службы в Аделисах. Будет ли таким через тринадцать лет? Вряд ли.

Элион опять бубнил себе под нос и сетовал — его голос сливался с треском досок. Красный ковер под ногами протерся до основы; когда-то он был ярким. Я свернул к лестнице в арке по левую сторону. Она вела на несколько уровней вниз. Прошел до конца длинного коридора, освещенного желтым, как масло, светом магических камней в настенных канделябрах, и толкнул тугую дверь кабинета — без стука. Петли будто завизжали. Стена густого сигарного дыма ударила в лицо. Я поморщился от едкого запаха — он перебивал даже затхлость подземелья — и вошел.

— Ты здесь скоро скуришься.

— Очень надеюсь, — хрипло усмехнулся Сайрус и положил отчеты на захламленный стол.

— Тогда купил бы что получше, чем травиться дешевкой. Твое положение позволяет достать что угодно.

— И променять вкус родного табака на безвкусную дрянь? Ни за что. Мне нравится их кислота. Навевает воспоминания о Талинвере.

Сайрус сделал затяжку, и его острое лицо вытянулось. В сизой дымке серая кожа и круги под глазами человека, не знающего сна, выглядели трупными.

Он так же смаковал, когда взял меня в ученики. Не из жалости. Из интереса. Как редкий сорт табака.

— Зачем звал? — спросил я и прислонился спиной к двери.

Он выдохнул клуб дыма.

— Как обстановка у вольников?

— Ты лучше меня знаешь, как.

Сайрус затушил окурок о прожженный дубовый стол и выбросил его в набитую доверху чашу, из которой они вываливались. Клацнул застежкой нагрудного кармана и, достав новую сигару, поднял на меня рыбий взгляд с вечным прищуром. Его зрачки медленно скользнули по запекшимся брызгам крови на одежде и открытой части моего лица.

— Утром пришло письмо из дворца, мелкая работенка, а исполнить требуют быстро. — Он отомкнул ящик, вынул вещь, завернутую в хлопковую ткань, и протянул сложенную вдвое записку. — Здесь координаты, выйдешь на рассвете.

— Кому доставить? — поинтересовался я и пошел к столу.

Я взял из костлявых рук сверток весом не больше трех кило. На указательном пальце Сайруса громоздился серебряный перстень в виде шестилистника. Наша эмблема.

— Какому-то ларку, видимо могущественному, раз в такую глушь отправляют и не могут в храм завербовать. Кстати, — он сухо откашлялся, — тебе может быть интересно. Расспроси

связующего, глядишь вытрясешь что-нибудь или сам сболтнет о проклятиях или про что ты там читаешь. Сильные много чего слышат из уст Святых.

Сайрус не сводил с меня взгляда, и я знал: это не добрый жест опекуна.

— Прекрати. — Горло сцепила боль, но я сглотнул ее и продолжил: — Все это было глупостью. Я давно бросил эту идею.

Его густая, как и черные волосы, бровь приподнялась. Он помолчал.

— Бросил. Ну-ну. А книги все копишь. От надежд одни покойники, Артур. Ты не хуже меня знаешь.

Я ничего не ответил.

— А еще говорят, Бог Ночи сына ищет, — добавил он, ставя кольцом печать на документ. — То ли пропал, то ли убили. Смертный бог. Ха. Ну не брехня ли?

— Задание принял. Вернусь — доложу.

— Артур, — окликнул меня Сайрус, когда я уже собирался уйти. — Не спросишь, что там?

Я слегка наклонил голову в бок, покрутил сверток в руке.

— А должен? Это не мое дело.

— Не твое, — согласился Сайрус, снова закулив, и уголок его тонких, пересохших губ дернулся вверх. — Свободен.

Покинув облачный кабинет, я поднялся через скрытый проход и оказался в помывальной с нишей, высеченной прямо в скальной породе. Вода темнела в купели — соленая, она поступала сюда по старому акведуку. Я сбросил одежду на скамью, которая тянулась вдоль стен, и погрузился в нее. Стопы колола теплая магическая руда, нагревавшая воду до едва терпимого жара, но способная обжечь острыми гранями, если не быть аккуратным. Рану и мелкие царапины защипало. Я быстро соскреб кровь, растекшуюся вокруг черными маслянистыми разводами. Сменил повязку на боку, переоделся и направился в архив на первом этаже.

Если любимое место Элиона — зал, а Селин — лекарная, то мое — цитадель тишины, бесчисленных историй и света.

Сайрус заставлял меня читать и отрабатывать каллиграфию каждый божий день, с тех пор как я увязался за ним. Терпеть не мог наши занятия: буквы мешались, чернила мазались, а потом это стало потребностью. Моей тишиной. Здесь царили чистота и запах старой бумаги с чернилами. Не то, что сырость нижних помещений.

Я прикрыл двустворчатую дверь и устроился за своим рабочим местом в центре комнаты — такой же круглой, как зал, но меньше. Закинул ноги на соседний стул и развернул записку. Поджав губы, я бросил ее на стол. Конечный путь находился в глубинах мерзопакостного Леса Ворхов: одного из тех облюбованных нечестью мест, куда я по своей воле и носа бы не сунул.

Взгляд упал на стопку книг, прежде аккуратно сложенных корешок к корешку, — теперь они были сдвинуты. Поправив их, я устало запрокинул голову на спинку.

— Если роешься в чужих вещах, то хотя бы делай это лучше.

— Серьезно? Как ты понял? — воскликнул певчий голос.

Позади раздались глухие шаги. Наверно, сидела за одним из стеллажей. Они так стиснуты, все равно, что лабиринты.

— Не скажу. Селин, чего надо?

— Да брось. Будто я не могу зайти к своему дорогому сычу напарнику, может, из глубочайшего беспокойства! Может, хочу узнать, как твои побитые ребра, — с явной иронией проворковала она, бесцеремонно обвила мои плечи, но я тут же сбросил ее руки.

От Селин тянулся горьковатый запах лечебных трав.

— Неужели?

Я следил за ее взглядом. Сел прекрасно знала о бесполезности лжи передо мной, и все же натура, склонная к циркаческому баловству, не могла устоять.

— Свезло же тебе в эту дыру идти, — сказала она, подхватив записку.

— Элион язык за зубами держать не умеет, — буркнул я, понимая к чему ведет.

— Возьми полынь, — как ни в чем не бывало продолжила Сел. Сгребла все в сторону и уселась на край стола, положив ногу на ногу. — Не то мелкотня мозги запудрит, очухаться не успеешь.

Ее огненные кудри лежали в беспорядке, пара седых прядей обрамляла наглое веснушчатое лицо — такое же, как у ее братца близнеца.

— Без тебя знаю. Слезь. И повторяю: зачем пришла?

— Достань мне белый Воронец, — выпалила Селин и прыгнула на пол. — Да чего ты сразу кривишься! Ты и так должен мне, не так что ли? Кого недавно штопала? Я ведь могла оставить тебя истекать кровью.

— Принесу. Главное, не маячь, — перебил я, лишь бы остановить ее словесное извержение. — И залечи рану. Сейчас.

Алебастровое лицо застыло в непонятной эмоции. Или эмоции вовсе не было, я не понимал. Лишь видел, что взгляд зеленых глаз неподвижно уткнулся в рукава, которые она вдруг начала оттягивать.

— Имеешь в виду... — неуверенно начала она, подбирая слова.

— Ага.

«Я просто спрошу», — напомнил внутренний голос.

Но ведь все честно. *Она попросила, я тоже.*

И если бы у меня было нормальное сердце, оно бы не отличалось от слепка совести, воссозданного мною по памяти.

Селин молчала, а потом, как по отрепетированной связке, улыбнулась и протянула мне худую руку. Я стянул с себя перчатку и слабо пожал ей ладонь. Из-под задранной ткани выглядывали бинты.

— Полынь только не забудь. — Мы разок встряхнули наши руки.

Под ее прикосновением и в моих ранах вспыхнул жар. Они бездново горели, затем мелко покалывали — и ничего. Легкость и сила наполнили жилы.

У самых корней рыжих волос чуть удлинилась седая прядь.

— А то я ни тебя, ни драгоценный Воронец вовек не увижу, — прибавила Селин и вышла из архива.

Путь от столицы до Последнего Огня, постоянного двора у границы территории Ворхов, занял чуть больше суток. Это играло мне на руку — заходить в логово демонических тварей ночью отвратительная затея, а оставаться здесь с проезжим сбродом — еще хуже. Одержимые и демоны порой не столь искусны, как отчаянные шайки бандитов, наемных одиночек и работяг, переправляющихся через запретные дебри.

— Тише-тише, — похлопал я бурого жеребца, ослабил уздечку и снял ее вместе с седлом.

— На сей раз надолго? — спросил гнусавый старик, ростом с ребенка.

Никогда не спрашивал его имени, а он — мое. Тем мне и нравился.

— Держи, — сказал я, кинув ему вальдор. — Хорошо корми и пои, этого хватит сполна.

Прежде ленивый, неповоротливый карлик юрко поймал золотую монету и спрятал ее за неприлично густой бородой, что доходила чуть ли не до его колен.

— Возвращайся живой, парниш.

— Чтоб ты с меня побольше денег запросил по ерунде?

— Тц, тц, тц, — зацокал он, отмахиваясь от жужжащих мух. — Язычок у тебя, как моя бородка, парниш. Смотри кабы не укоротили, я то услугу тебе делаю. Знаешь сколько желающих вас вздернуть? Сколько верят, что вы бесчинствуете? Вы ж всех по первому же подозрению на клюв Ноктара обрекаете.

— Лучше клюв, чем демон, старик. Из клюва судьбу души Марва переплетет по заслугам. Из демона — нет, — сказал я и попрощался с владельцем двора.

Проходя из конюшни через общий зал с редкими отшельниками, я бросил взгляд на карту над стойкой — выжженная на коже, а не рисованная. Она была отпечатана и под моими веками, в памяти: у главного порта Империи — Вальтария, у травяных полян — Талинвер, у рудных шахт — земли Иксафирцев, а за ним, в горах, — Орондор. Только в правом углу — сплошная чернота. Никто не знает, что там.

Я закрепил поясную сумку и, надвинув капюшон на лоб, покинул постоянный двор.

Лес Ворхов встретил меня гнилостным дыханием: влажным, плотным, липнувшим к коже. Густой воздух отдавал сладостью прелой листвы, а в его глубине вился едва уловимый, тонкий — как лезвие эстока, запах тухлятины. Так пахнут тела, что чаща не успела до конца поглотить.

Пробираясь сквозь заросли, я с настороженностью всматривался между голых стволов елей и сосен. Помечать их крестовидными отметинами не было смысла: знаков здесь так много, что разобрать где чей просто невозможно.

Мох на коре дерева указывал на север. Как и пологий склон муравейников — на юг, крутой — на восток, а кущие ветви елей или блеклые бока ягод — на запад.

Я резко остановился и, осев на корточки, прислушался: среди треска, стрекота, вороньих криков и голосов местной животины слышался отдаленный хохот.

Очередная жертва демонов.

Взгляд заметался между крюком обходной тропы и просветом, где засела нечесть. Я глянул на тучное небо. Время перевалило за полдень, и на обходе тоже могли ждать демоны или разбойники. Пальцы легли на рукоять.

Пробежав пару сотен метров, я заметил фигуру. Не Ворха — человека. И, судя по всему, не одержимого, раз на него напали здешние твари. С каждым шагом смех закрадывался в уши, дергая нерв внутри. Это уже смеялась не жертва — демоны глумились, повизгивали. Я бесшумно подкрался, открыв обзор на сидящую ко мне лицом белокурую девушку. Она, ополоумев, смеялась под действием дурманящих чар, как если бы ей рассказали невероятно уморительную шутку. Или плакала. Не уверен. Смотрела вверх, беспорядочно махала руками, то ли отгоняя от себя невидимых существ, то ли пытаясь за них ухватиться. Движения были резкими, отчаянными, будто часть разума, не впадшая в спячку, билась в паучих сетях, но ничего не могла поделать. Вот что бывает, когда самоуверенные искатели приключений играют в кости Эссара.

Я терпеливо выжидал, а когда один из Ворхов с ногами, как у комаров-долгоножек, проявился и рванул к несчастной, на рефлексе замахнулся и выбросил в него меч. Лезвие со свистом вонзилось в крохотный череп хищника прежде, чем тот успел навредить девушке. Демон завопил и братья его подхватили разъяренный рык, сливаясь в визжащий хор скрипучих голосов. Тени, до сих пор неподвижные, обрели форму. Группа Ворхов разлетелась в стороны, унося с собой истерию, не предпринимая попыток атаковать.

На том месте, куда упал меч, теперь росла кучка красношапок. Грибы, ядовитые до черноты. Шагнул к ним, я выдернул клинок из рыхлой земли и на ходу обтер лезвие о штанину.

Смеющийся девичий голос стих.

Я искоса поглядел на заплаканное лицо незнакомки, не очень-то похожей на преступницу. Обреченно вздохнул и опустился рядом. Проверил перевязь, сумку, убедился, что, кроме шпаги и двух кинжалов, иного оружия при ней нет, и слегка похлопал по щекам.

«Богатенькая выскочка, — заключил я, мимолетно отметив добротные ткани, румяные здоровые щеки и опрятные ногти. — Как она вообще дошла до середины леса? Вечно аристократы в трех шкурах рождаются. Хотя... у нее грубые мозоли на ладонях, может, и не аристократка...»

Девушка внезапно очнулась и накинута на меня, оборвав мысль. Я впечатал ее в ствол — затылок глухо стукнул о кору.

— Один звук и это дерево станет твоей могилой. Ворхи услышат, — предупредил я.

Она сперва забила птицей, но стоило словам дойти до нее — остолбенела.

— Кто? — растерянно спросила незнакомка, явно не понимая, что произошло.

Я туло уставился на нее.

Точно не из трущоб. Девчонка не знает имен бездновых тварей, это вольникам и преступникам надо знать, чтобы сберечь голову. Для нее это просто запретный лес. Лес Демонов. Лес Теней.

— Демоны. Будешь верещать — Ворхи быстро нас найдут. С ними и другие не погнушаются позабавиться. Как сейчас с тобой. Тогда уже никакая полынь не защитит, — говорил и оглядывался по сторонам я.

Никого.

Пока что.

— Так это был не сон... Мне снилось, будто свора светлячков летала надо мной, выкрикивала гадости и смеялась, а я смеялась вместе с ними... — вдруг призналась она.

В ее лице, когда она осмыслила, что с ней случилось, отразились черты, выдающие злость: сдвинутые светлые брови, поджатые губы.

Я отстранился. Ожидал сопливого припадка, но вместо глупой паники она спокойно вытерла непроизвольные слезы. Ни намек на дрожь, словно страх — нечто омертвевшее в ней. Уставилась на меня бычьим взглядом. Вид у нее сразу переменялся. Слишком резко. Впору было подумать, что ничего не произошло, и мне все привиделось. Если бы не частое дыхание и покрасневшие глаза цвета льда. Что-то царапало изнутри, пока я не понял: она не опускала взгляд. Наоборот, пристально изучала, словно препарировала. Узнала меня. Гордая и любопытная.

— Я буду тихой, — сказала незнакомка. — Спасибо.

Коротко кивнув, я отпустил ее. Достал из поясной сумки маленькую связку сухоцветов и всучил ей большую часть.

Мне и пары хватит.

— Это позволит остаться в себе, даже вдыхая испарения, и отпугнет Ворхов — они тебя не увидят, если не будешь шуметь, и не разбудят крупных тварей. Главное, выберишься до ночи. На этом все, экскурс окончен. Удачи.

Я развернулся, чтобы уйти, как цепкая рука схватила край моего плаща.

— Я пойду с тобой, — требовательно сказала она, словно и не слышала всего того, что я говорил.

У меня дернулась скула.

— Нет, — отрезал я, выдернув накидку.

— Почему?!

— Я же сказал не шуметь, — прошипел я. — Я тебе не доверяю — ни один честный человек не пойдет через лес, это раз. Своими ногами пришла, своими и шагай отсюда, это два. И защита девиц не входит в круг моих обязанностей, это три. Еще нужны доводы?

— Меня преследовали! Пришлось зайти в лес.

— Что и требовалось доказать. Мне ни к чему проблемы.

Я продолжил идти — она следом. Ускорил шаг — она тоже. Не отцеплялась, точно клещ. Не выдержав, я обернулся:

— Чего еще тебе надо? Иди куда шла.

— А я так и делаю, — огрызнулась девица. Она буравила меня взглядом. — Иду, куда шла. Очевидно, нам в одну сторону. Бывают же такие необыкновенные совпадения.

Каждая мышца во мне натянулась от желания задушить ее прямо сейчас. Это наказание мне за непрошеное благодеяние.

— Давай так, — нахалка и не думала отступать, — ты помогаешь мне выйти живой из этой дыры, а я взамен дам десять лайров. Договор?

Последнее слово еще висело в воздухе, когда я сделал крутой поворот и приставил лезвие к ее горлу. Девуца вся встрепенулась и застыла с распахнутым одичалым взглядом.

— Вот тебе договор: я не рублю твою глотку, а ты отваливаешь на все четыре стороны.

Где-то затрещали птицы. Подул холодный ветер и листва зашелестела, обещая скорую непогоду.

— Какие мы пыльные. Слухи не ввали, — сглотнув, сказала она.

Вместо того, чтобы отступить, ведь было куда, она задрала подбородок и, секунду помешкав, будто решалась, надавила на лезвие. Я одновременно почувствовал укол. Опустил взгляд и наткнулся на ее кинжал. Она держала его у солнечного сплетения.

Бездна. И когда только достала. Надо было забрать.

— Хотел бы убить, сделал бы это сразу, не давал бы полынь или вовсе оставил бы умирать в роще, — не мигая вернула мне девушка.

Мы тарасились друг на друга, испытывая терпение, выжидали, когда один или второй сдастся в молчаливом поединке. Я отчетливо видел, как на ее лбу выступила испарина, как сжимался кулак, что скрывал дрожь, как вена синела от напряжения на правом виске.

Да почему ты нарываешься? Думаешь, тебя не сломать? Думаешь в настоящей жизни одной храбрости достаточно? Таких как ты только страх лечит.

Я медленно убрал меч в ножны. Выдохнув, она расслабилась на долю секунды. Этого хватило: я поймал ее кисть с кинжалом и вывернул. Лезвие уперлось ей в сонную артерию. Правой рукой завел ее запястье за спину. Она выгнулась в тростинку, шумно выдыхала — редко, прерывисто. Тонкая струя крови поползла к ключице. Пульс девушки бил под моей ладонью, как птичье сердце. Могу поклясться, я слышал это шуршание в ее голове.

— Так мы договорились? — спросил я, чувствуя, как ее дрожь от сопротивления отдается в мои руки.

Девуца молчала. Решительно продолжала давать отпор, давить. В ее глазах пылало сумасшедшее отчаяние, безумие, которое смело всякую надежду избавиться от ее надоедливой персоны. Казалось, она и вправду была готова умереть, лишь бы не отступить. Или надеялась на мою жалость?

Гадство. Я стиснул зубы.

Да и пусть. Все равно.

Я разжал хват и зашагал по намеченному пути. Она часто задышала, с присвистом, а через несколько секунд — зашуршали ее шаги за спиной.

Сама отвалится. Важно другое: три кило в свертке и закат через шесть часов.

Глава 5 Элеонора. Беглянка

Это он. Без сомнений: красные колосья на жакете, глаза цвета янтаря, жуткий шрам и маска — все сплетни совпадают. При нем брошь с шестилистником — их знак.

В Ламаранте никому не позволено скрывать лицо. Никому, за исключением наследника главы Аделисов. Бездушного. Когда ты негласный сын четвертой власти, тебе закон не писан. Когда ты — ферзь.

Я цокнула языком, ветки хрустнули под сапогами в такт.

Как такое совпадение возможно? Сначала пригородные стражники нагнали, потом заблудилась в Лесу Теней и эти убогие Ворхи с дурманом. Откуда мне было знать? В наших кругах не принято открыто осведомляться о темных силах — это удел черни. Мы же аристократы. Мы «верующие». Хотя гаденьких набожных везде немеряно. Вспомнить хотя бы Лору из академии. Улыбалась нежнее нежного, когда глумилась над падением дома Мираины — подстрекала проучить ее чужим хлыстом и считала это себе в достоинство. А ведь за день до этого разглагольствовала о пожертвованиях в храм. Мило напоказ богоугодничать, не брезгуя после, с отмоленной совестью, помоями обливать неугодных. Верещат все верещат, сами же разносят, словно заразу, горячие кривотолки об очередном одержимом или о жертвах в низших кварталах. Надо было и про это слушать. Чего мне теперь их слабости, их тайны, когда сейчас пригодилась бы именно та, казалось, бессмысленная болтовня?

Ничего не вылетает из уст просто так.

Хотя, пытаться выцапать достоверную и сколько-то не переработанную информацию среди туповатых, как скот, и всех на одно лицо академных девиц, — сомнительное занятие.

«Какая же дура», — ругала я себя за распушенную самонадеянность, стоило позорным воспоминаниям о недавнем происшествии зашевелиться.

Я точно любимица Марвы.

— Далеко еще? — спросила я, тяжело дыша.

Аделис в очередной раз ускорился, не проронил ни слова и даже не бросил на меня косой взгляд.

Мерзавец.

Сплетники не врал и о его характере! Что за человек. Или не человек.

Уверена, он неустанно ждал, когда я сдамся — специально по самым дебрям лез. Все чистые тропы обходил.

Я быстро оглянулась. Среди обшарпанных столбов деревьев никого. Вроде.

— Ты вообще знаешь куда идешь? Или просто кружишь? — не отступала я.

В ответ — шелест листвы, стрекот, карканье.

Что с ним не так? Помог, даже полынь отдал, а теперь по-скотски себя ведет. Нет, я, конечно, сама прицепилась, и мои ожидания — мои проблемы, но... Не игнорируй меня! Я не обуза.

Я прожигала взглядом затылок своему вынужденному компаньону.

Ноги упрямо несли меня за ним, лишь бы не отстать от черного плаща, что мелькал среди сухих веток. Знала: стоит остановиться и ноющие мышцы миглом одубеют. Тогда уж точно не поспею, ни от кого не убегу. Как и знала, что следовать за львом столь же опасная затея, как остаться в этих дебрях одной. А бьющая под кожей тревога — не один лишь сбитый пульс, но предчувствие, что демоны злосчастного леса могут выскочить в любую минуту. Это живое чувство опасности. Игра в дичь и хищника. Выживание.

Уголки моих губ дернулись вверх.

— Так здесь живут люди. — Я заметила ветхий дом в отдалении.

Из-за посеревших стен он почти сливался с деревьями и выглядел так, будто вот-вот развалится. Ни малейшего желания останавливаться в нем не было, впрочем, права голоса я была лишена.

Черт с этой хижиней — хоть в волчью пасть, главное отдохнуть.

— Неужели я слышу утверждение, а не вопрос. Ты не лишена светлых мыслей.

Он замер так резко, что я впечаталась лицом в его спину. Аделис бросил в меня колкий взгляд.

— Какая щедрость, — я сжала рукоять шпаги и отступила на шаг, — одарил меня целым предложением. Чем заслужила такой подарок после молчанки? Или Аделисам не пристало разговаривать с простыми смертными?

«Элли, зачем ты его провоцируешь!» — возопил внутренний голос.

— Я не обязан отвечать.

Щеки опалил жар.

— Хам, — выплюнула я, перепрыгнув через бесконечные переплетения толстых корней. Лишь они способствовали смирению, заставляя концентрироваться на том, чтобы не переломать себе кости.

Жесткая рука схватила за локоть и дернула назад. Где-то справа, в кустах, хрустнуло — и смолкло. Аделис замер на секунду, прислушался, затем пошел дальше. Я не стала спрашивать.

— Пусть и хам, зато не я чуть не стал закуской здешних тварей. И раз увязалась — не мешайся. Тихо заходишь следом, язык в трубочку и никаких надоедливых вопросов. Поняла?

Я вперила в него ядовитый взгляд, высоко держа подбородок.

— Поняла, — огрызнулась и выдернула руку.

Как только он вышел вперед, сделала полупоклон и прошептала:

— Как пожелаете, Ваше Сиятельство. Что угодно за ваше благородство.

— Мне все слышно. Лучше двигай поршнями, Беглянка. И береги силы. Впереди еще много возможностей для твоих *остроумных* комментариев.

— Я еще даже не... Почему беглянка?

Аделис ступил на гнилую доску, густо поросшую мхом. Под его тяжестью она застонала, точно несмазанная дверь.

— Тебя же преследовали. Или уже позабыла? — Он бросил через плечо горящий взгляд. — Зачем же тогда девушке добровольно идти в запретный лес? Либо ты беглянка, либо смертница. Либо все сразу. А раз так далеко за мной прошла и еще не наложила на себя руки, значит первое. Я прав.

Я прищурилась, защелкав ногтем.

— Неплохо соображаешь для наемника.

— Я не наемник. А вот ты нахалка для леди.

— Какая досада. — Я развела руки. — Мы оба не оправдали ожиданий.

С тем воинственным расположением духа мы подошли к темной от влаги двери с приколоченным ржавым колокольчиком.

Аделис немедленно дернул шнурок, и раздался звон, похожий на бьющийся фарфор. В глубине дома послышалось шуршание, а потом тяжелые шаги, что приближались. Я сжалась в настороженных чувствах.

«Кто там... Другие исполнители? Надзиратель Аделисов?» — слишком много всего проносилось в голове, пока время тянулось.

Наконец, дверца с треньканьем отворилась, и перед нами показался не дряхлый отшельник, прозябающий в унылом лесу, и не безобразная карга-целительница, а крепкий, даже красивый мужчина старых лет. Он возвышался над нами своим могучим ростом. С широкими плечами с проем и густой бородой, такой же седовласой как шевелюра, брови и ресницы. Совершенно белесый человек.

Незнакомец вытаращился одними глазами на Аделиса. Все его лицо осталось неподвижным, точно оно позабыло вкус эмоций и годами имело вид непроницаемой глыбы. Но какие у него были черные глаза! Бездна воплоти. В них плескалось сшибающее с ног потрясение.

Конечно, никто не хочет видеть Аделисов у своего порога.

— Чем обязан? — спросил незнакомец шершавым голосом после затянувшегося молчания.

Он как бы опомнился и быстро вернул равнодушие.

— Из дворца, — сухо ответил Аделис, оттянул край безрукавного плаща.

Старик покосился вниз, и я поняла — Аделис ему что-то показал.

Его взгляд теперь перескакивал с меня на мужчину. Я же уверилась в том, что они не приятели и не напарники, даже не знакомые. Старик кивнул и отошел в сторону, чтобы пропустить нас внутрь.

— Проходите.

Мы вошли в дом, который оказался еще меньше, чем представлялся снаружи. Мой нос сморщился от терпкого запаха смолы с ладаном. Внутри почти ничего не было: кременец, стол, стулья да и все. Никаких пледов, одежды или книг. Настолько пусто, будто здесь никто и не жил. Мой взгляд зацепился за единственный заполненный стеллаж: вдоль левой стены поблескивала коллекция артефактов. Настоящая сокровищница. Каждый магический предмет аккуратно красовался в витрине, приковывая к себе не только драгоценностями, но и неосознанной вуалью — защитой, что переливалась тусклой радугой.

Интересно, сколько из этих камней добыли в шахтах Роджера?

— Положи его на стол, — скомандовал седовласый. — Чай будете? Согреет кости после дороги. Трудный небось путь выдался.

— Вы очень любезны, — не отрываясь ответила я.

— Нет, — в унисон отозвался Аделис и сжал мой ворот сзади. Как почувствовал, что я хотела подойти к артефактам. — Спасибо за предложение, но мы торопимся, — зыркнув на меня, прибавил он.

Я мысленно выругалась и сбросила его руку, когда старик отвернулся.

Про личное пространство он, видимо, не слышал.

— Понимаю-понимаю, молодость кипит, — глухо хохотнул старик. — А все же не спешите. Ко мне редко заглядывают люди. Успеете еще покинуть лес до темноты.

Аделис выложил на дубовый стол какой-то сверток и не стал спорить. Я его поняла. У хозяина была некая аура неоспоримого авторитета. То ли виной тому его могучая фигура, то ли спокойствие удава. Он наливал в жестяную чеплышку воду и косо изучал нас. Особенно вписывался в Аделиса, что не удивительно. Какая еще может быть реакция на его внешность? Вернее, на тот узкий клочок плоти, что не скрывался под маской и капюшоном. Он чудным образом сочетал в себе черты, вызывающие отвратительные мурашки под лопатками, но и нечто притягательное в своей чудовищности. Напоминало цирк уродов: вроде жутко отталкивают, пугают, а все равно тянет повернуться. Поглазеть на дикость.

Никогда прежде не встречала людей с такими глазами. Глядишь и видишь одни змеиные зрачки в янтаре под густыми бровями. Могу поспорить, он никогда их не стриг. Еще и блеклый шрам... Кто его так цапнул? Не хотела бы я повстречаться с этой кисой. Любопытно.

Однако порочное любопытство надо давить в зародыше, иначе ты его заложник.

— А вы... — начал Аделис, поглядывая на меня, будто решал, стоит ли мне спрашивать или нет. — Вы правда их слышите?

Сказал никаких вопросов, а сам задает непонятно что.

— Кого? — Старик оторвался от кипящей воды.

— Как кого. Богов.

— Так вы ларк, а не мастер, — влезла я, разуверившись в прежнем подозрении.

Я сочла его тайным ремесленником Императора, раз к нему аж из дворца посылают в такую глушь. Хотя, можно было догадаться: среди вещей и намека нет на инструменты, а вонь благовоний стоит удушающая.

Никогда не встречала ларков вне храма. Обычно, их сразу забирают на воспитание священнослужители и дальше благой территории не выпускают. Кто он такой, что ему позволили блажь?

— Какому храму вы служите? Рубиновому или Сапфировому? Отсюда ближе всего к Иксафиру со столицей.

— Эй, я же сказал молчать.

— Будет вам, — отозвался старик. — Ничего страшного, я только рад поговорить.

Я коротко взглянула на Аделису с выражением, которое так и говорило: *видишь*. И нетерпеливо повернулась к старику.

— Вы правда можете их подслушивать или только послания из Чертога получаете?

— Могу. Я все слышу.

— Редкость, — хмыкнула я. — Значит вас благословили на нечто значимое.

— Благословение ли это, — усмехнулся Аделис. — Если ты не в курсе, многие ларки и головы не высовывают из святых стен.

— В курсе и, уверена, знаю больше тебя. — Я зыркнула на него и передразнила: — Ты смеешься, а это ради самих же связующих. Если ты понимаешь о чем речь.

Им так проще справиться с гудящими голосами, чтобы не сойти с ума. Но откуда Аделису знать такие нюансы, наверняка книгу пару раз в руках держал.

Оба мужчины уставились на меня. Один с добродушием старого человека, второй — злобно.

— Так из какого вы храма? — невозмутимо повторила я.

Старик отвернулся заварить чай и сказал:

— Считайте, я старый друг Идриса. Служу исключительно ему.

Я свела брови и переглянулась с Аделисом. Идрис — первый император Ламаранта, давно покоится в земле. Либо старик все же безумен, либо слышит мертвых. Не знаю, что хуже.

— А отвечая вам, юноша. — Он посмотрел прямо ему в глаза. — Слышу. Даже больше, чем хотелось бы. Что хочешь узнать?

Аделис даже не моргал.

— Богов же считают бессмертными, да, — вкрадчиво начал он. — Но я читал... их облик в сказаниях меняется, хотя в них описывают одних и тех же Благодетелей. Может, вы скажете? Те, кто спасли нас в Битве Двенадцати, даже через тысячелетия... это все еще они? Те же Благодетели, которым люди молятся сейчас?

На устах ларка расцвела широкая улыбка, и вокруг глаз разбежались лучики, словно ему особенно понравился вопрос.

— Я их слышу, — старик потянулся к чайному сервизу из кресла, — но не вижу. Так что, боюсь, эта правда не для человеческих умов. А тебе зачем?

— И что слышите? — вопросом на вопрос ответил Аделис, беря чашку.

Он немного подержал ее в руках, прежде чем опустил на стол, так и не притронувшись.

— Много чего. Там, — ларк указал пальцем вверх, — давно уже переполох. Слишком много отголосков вот и сливаются в один вой. Особенно Марва тоскует, бедняжка, что с ней будет, когда узнает...

Он осекся. Взгляд застыл. В комнате густела тишина, что поглощала дыхание леса. Ни свиста, ни хруста веток, ни пения птиц. Только пальцы старика отбивали по столешнице: стук, стук.

«Услышал, — догадалась я. — Прямо сейчас».

Пламя свечи на столе дрогнуло. Мне показалось — или оно и правда посинело на миг?

— И голос Бога Утешения слышите? — уточнил Аделис.

Тот поднял на него взгляд.

— Нет, не слышу. Давно как не слышу, но хотелось бы. К нему у меня особенно много вопросов. А тебе-то что?

— Вас не касается, — отрезал Аделис и уставился в пол с видимым разочарованием.

«Не такие уж головорезы и бездушные, и у них есть кровоточащие раны, — подумала я, делая вид, будто отпиваю душистый жасминовый чай. — К Кассиэлю ведь обращаются только страждущие в горе».

Седовласый ничуть не сконфузился и не возмутился грубости молодого человека. Он смотрел на него немигающим сквозным взглядом, точно пытался разгадать возникшую перед ним загадку. Иногда опускал голову и начинал задумчиво проводить кончиками пальцев по ободку чашки, странно шевеля губами. Несколько минут длилось неловкое молчание.

— Дитя, — ларк обратился ко мне, заставив вздрогнуть, и прихватил связку ключей с торчащего гвоздя, — имени не спрашиваю, знаю, у *вас* не принято. Размотай и поставь это, — он мотнул головой на посылку, — к другим безделушкам в шкафу. Я пока схожу за одной вещичей.

— Конечно, — хмыкнула я, решив не поправлять ошибочное мнение старика о моей связи с орденом.

Интерес будоражил сильнее.

— Аккуратнее, — буркнул Аделис.

Я закатала глаза, стоя к нему спиной, и подошла к столу. Сняла мотки толстой ткани. К моему удовольствию, за ней скрывалась чарующая статуэтка в форме двух изящных голов. Они смотрели в противоположные стороны. Нефритовые, кристальной чистоты белого глянца.

За такую не жалко и мешок вальдорфов отдать.

Жаль, я не могу чувствовать ее магические потоки. Наверняка они бы приятно покалывали в подушечках пальцев. Грели и...

Я коснулась холодной каменной глади. На секунду показалось, что меня что-то укусило — а потом мир провалился в пустоту. Свет померк. Я отключилась, как в обмороке, и следом меня обволокло нечто тягучее. Толком не успела ни испугаться, ни вскричать. Усталость, голод, напряжение: все исчезло.

Чары удерживали меня в приятном состоянии умиротворенного опустошения. Я стала ничем. Видела ничто — даже темнота не смела протягивать свои лапы. Но вскоре новые ощущения медленно отяжелили тело, наполнили душу, колыхая в памяти давно позабытые воспоминания.

Я пыталась отделить друг от друга чувства, что нахлынули на меня валом, осмыслить их. Лишь одно осело в голове четким пониманием — мне почему-то стало безумно страшно. Оттого вновь обретенное тело пылало в поту, подбородок и губы дрожали, а сердце птичкой колибри билось в груди.

Моя фигура, зажата в тесном пространстве, кажется, это был шкаф, скрючилась в попытке уменьшиться до крошечного комочка. И что страннее всего — она зашевелилась, ужаснула меня окончательно, потому что двигалась без моей на то воли. Совсем не подчинялась разуму.

Совсем ребенок. Маленькие ручки перед моим носом приоткрыли дверцу. Я узнала запах раньше, — лавандовое масло, которым натирали полы в особняке Грейвудов — чем посмотрела в щель и увидела знакомую комнату.

«Это не мое тело, — поняла я. — Но и не совсем чужое. Меня засунули в мое прошлое, как в тесное платье».

Судорожные попытки разобраться в ворохе мыслей оборвались в ту самую минуту, как послышались голоса. Знакомые.

— Как ты не понимаешь, она чудовище. Она чуть не убила нашу дочь! — Девушка влетела в покой.

Бездна... это же Джанет. Молодая Джанет!

— У Камиллы всего лишь царапина, не начинай драму. Переживет, — ровным тоном сказал Роджер, проходя следом.

Я с остервенением наблюдала за вошедшими.

— Всего лишь? — Она ткнула пальцем в его грудь. — А если останется шрам? Если бы попала по правому глазу? Что прикажешь говорить людям? Святые Благодетели, за что эти мучения! Мало мне нашего бремени, так ты еще и поганку сестрицы привел. Я не хочу ее терпеть. Видеть ее не хочу!

— Джанет, успокойся. — У Роджера выступили желваки от сжатой челюсти. — Она не может это контролировать.

— Как я могу быть спокойна, когда ты подвергаешь всех нас опасности? Она убьет кого-нибудь, и нас запишут в одержимые. Этого ждешь? А я тебе вот что скажу: так и будет, если не избавиться от девчонки. Не позволю загубить мое будущее. Твоя сестрица и так постаралась... — Джанет осеклась, когда Роджер дал ей пощечину наотмашь.

Она застыла, сжав подол по бокам. Я задержала дыхание от прозвеневшего на всю комнату звука. Тишина после нее была еще громче.

— Не смей говорить о моей семье в таком тоне. — Каждое слово Роджер ронял с расстановкой. — Элеонор останется в нашем доме, а ты научишь ее всему, что знаешь сама. Я найду способ все уладить и не допущу, чтобы запятнали репутацию Грейвуд. И так слишком много бездарно упущено. Поняла?

Не получив ответа на свое приказание, он схватил Джанет за предплечье и встряхнул ее — я видела, как побелели костяшки его пальцев, как напряглась шея.

— Отвечай, когда я с тобой разговариваю.

— Поняла, — выплюнула она мужу.

Джанет стояла ко мне спиной, но, зная характер этой властной и горделивой женщины, могу поклясться — она смотрела на Роджера с непримиримой ненавистью.

Ребенок забился в угол, зажмурился, прижимая обе ладошки ко рту, лишь бы не выпустить всхлипы. Так и сидел, тихонько глотая нескончаемые слезы. Никем не услышан, никем не утешен.

Когда в нос ударил запах смолы и ладана, я осмелилась открыть глаза.

Вернулась.

Отдернув пальцы от статуэтки, я отшатнулась. Взгляд заметался. По ощущениям прошло не меньше получаса, а в действительности... пара секунд, минута? Все осталось в точности, как и было до того, как попала под чары: старик направлялся к лестнице, Аделис, как стоял, привалившись к стене, так и не сдвинулся.

— Все в порядке? — спросил ларк, заметив мое смятение, не столько встревоженным, сколько настороженным тоном.

Я быстро смахнула слезы и отрезала:

— Да. Все хорошо просто... господин...

— Коэн, можешь звать меня Коэн.

— Господин Коэн, этот артефакт, он... то есть...

Мысль никак не формулировалась: до сих пор чудилось, будто я зажата в коробке, глотаю пыль, колени ломит, а пропитанная потом рубашка прилипла к спине. Или не чудилось? Я и правда взмокла. Кулаки сжались, скрывая дрожь.

— В чем его сила? — Горло саднило от сухости.

— Ааа, — бесцветно протянул он, — интересная вещица. Это Двуликий Хронос — показывает владельцу воспоминания.

— Прошлое значит. Только того, кто использует артефакт?

— Не всегда. Он сам выбирает чьи показать, как и то, что именно должно увидеть.

— В чем тогда смысл? — спросил Аделис. — Если не можешь контролировать, то и желаемое не увидишь. Бесплезный мусор.

— Не скажи. — Уголки рта ларка тронула снисходительная улыбка. — Любая магия тяготеет к всплескам чувств. Она питается ими как лакомым кусочком. Потому обязательно явит нечто, способное удивить, выпотрошить тебя наизнанку. Всякое можно узнать.

Последние его слова долетели до меня отдаленным гулом.

Мало чего сохранилось из детских воспоминаний. А это, столь яркое, напрочь стерлось из памяти. Слово разум испепелил их каленым железом, лишь бы не сгореть самому. Или... Роджер их выжег? Значит, я ранила Камиллу. Но как? И почему Хронос сработал?..

Голова закипала от новых вопросов. Роджер сказал, что со всем разберется. Ничего не понимаю. Сколько еще он делал втайне? Одна гадкая ложь сменялась другой.

— Стащишь что-нибудь, клянусь, я заберу полын и брошу тебя здесь, — прошипел за спиной Аделис.

Я вздрогнула: он подошел совершенно бесшумно. Ларк уже скрылся в лестничном проеме.

— Издеваешься? — Я повернулась к нему, еле сдерживая желание вцепиться в наглуую рожу, и процедила: — Извинись.

— Я видел, как ты пялилась на артефакт. И на стеллаж. — Он шагнул ближе, нависая надо мной.

— И что? У тебя настолько зашоренный кругозор, что ты всех поголовно в преступники записываешь? Не ровняй по себе, Аделис. Я тебе не воровка и не позволю себя унижать. Извинись.

Его брови сурово свелись к переносице.

Никаких извинений, естественно, не последовало. Тишина. Мы стояли почти в упор, испытывали друг друга, пока не скрипнули половицы. Аделис наконец посмотрел поверх моей головы. Зрачки его сузились, будто некая мысль поразила сознание.

— Мы уходим, — выпалил он и грубо потащил меня к выходу.

— Что? — Я нахмурилась и попыталась выдернуть руку — бесполезно. У него железная хватка. — Почему? Это неприлично! Да стой же. К чему такая спешка? До темноты еще несколько...

— Куда вы? — раздался голос хозяина позади.

Глубокий. Отдающий эхом.

Метнув к нему взгляд, я открыла рот и не произнесла ни слова: от холода в лице Коэна, язык прилип к небу.

— Прошу прощения, но мы не можем задерживаться. Всего доброго, — не оборачиваясь, сухо ответил Аделис.

Он напоминал хищника, который нутром чувствовал опасность.

Я не успела опомниться — крепкие руки подхватили меня и закинули на плечо. Аделис только распахнул дверь, впуская ледяной ветер, как ларк вцепился в него обеими руками, хотя могу поклясться, он секунду назад был у лестницы. Коэн захрипел, будто в горле застрял песок:

— Береги их! Чтобы ни случилось, ты должен защитить глаза!

Сперва я пыталась подняться, но его слова прогремели отрезвляющим бредом. Я обмерла.

Аделис вырвал плащ и выбежал из дома. Старик так и стоял у порога, провожая нас взглядом, от которого я сжималась.

«Безумцы. Ларки точно безумцы», — думала я, пока мужчина несея через лес, лавируя меж деревьев и ловко перескакивая рвы, громадные корни, отчего меня всю трясло.

На щеку упала капля. Затем еще одна. Нас накрыл ливень. Я боялась поднять голову: при каждом крутом повороте инстинктивно съеживалась, цеплялась за его одежду. Казалось, вот-вот и слечу прямо в грязь или не смогу увернуться от очередного ствола.

— Хватит! Мы уже достаточно... — ребра ударились о плечо, и у меня сперло дыхание, — оторвались... Немедленно поставь меня! Сама могу бежать!

Он не слушал.

Закипев, я изо всех сил оттолкнулась руками от спины Аделиса, вытянулась струной, чтобы вырваться. И замерла.

Святые Благодетели.

Все это время я смотрела вниз, в хлюпающую землю, а стоило устремить взгляд вверх — и открылось невероятное.

Капли сливались в серебристую завесу, окутывали густые и колючие кроны деревьев. Замерзшие иголки мерцали в свете алой реки, что разлилась вдоль горизонта. С этой минуты я смотрела только вверх. Нашла опору в ладонях и представила, будто лечу. Воздух дул в затылок, капли ласкали лицо приятно, освежая. Я глубоко вдохнула запах мокрой древесины и цитруса, очарованная мрачностью, рожденной из единения небесного огня с тьмой леса. Всецело отдалась сумасшедшему моменту.

Мы выбежали на поляну и Аделис наконец остановился. Легко сбросил меня перед собой, как мешок, набитый безделушками. Молчание заполняло шипение дождя.

Я тупо уставилась на него. Он — на меня.

Аделис стоял, промокший до нитки. Его грудь вздымалась от жадности, с которой вбирал воздух в легкие. Накидка бесформенно обвисла и черные завитки прилипли к его лбу, а из-под сдвинутых густых бровей на меня уставились два горящих янтаря. Наверное, я выглядела так же: как жертва кораблекрушения, выброшенная на берег.

Резко опустив голову, я начала смеяться. Не знаю почему. Я не могла остановиться.

— Ты... плачешь? — впервые в голосе Аделиса прорезалась... тревога? Растерянность?

— Не ты ли угрожал меня бросить там? — сказала я, вскинув подбородок.

Мои губы непослушно растягивались в улыбке.

— А ты хотела остаться с чокнутым ларком?

— Нет, разумеется нет. Я, по-твоему, тоже сумасшедшая?

Он выразительно приподнял бровь и слегка склонил голову на бок.

— Не исключаю.

Я прищурилась.

— Лучше скажи, что случилось? Из-за чего...

— Так было быстрее, — отчеканил Аделис и натянул маску на переносицу, накинуд капюшон.

— Я про ларка и ту... последнюю фразу.

— Без понятия. Не лезь не в свое дело. Выбрались и хорошо.

Он обошел меня и двинулся к дороге.

— Постой!

— Слушай, — Аделис обернулся, — мне нет дела до любопытной девчонки, решившей позабавиться или чем ты там решила заняться. Я вывел тебя из леса. Все. Отвали. — Он задержал на мне взгляд.

Злой.

«Я не шучу», — говорил им мне.

И отвернулся.

Щеки зарделись.

— Сначала обозвал воровкой. Теперь смеешь говорить мне подобные гадости. Да ты ни черта обо мне не знаешь.

«Элли, он убийца, глупо искать в нем достоинство», — успокаивал внутренний голос.

Его презрение — ничто.

Он — никто.

Я выдохнула и расправила плечи. Молча достала из сумки серебряные монеты. Догнала Аделиса и, схватив его за руку, решительно вложила их ему в ладонь.

— Теперь мы в расчете. Прощай.

Глава 6 Артур. Хищники

— Мельтешишь, — бросил я и подсек ноги Элиона.

Он рухнул на спину, увлекая меня за собой — я держал его за ворот, не разжимая пальцев. Мы упали у самого ручья, что колыцел арену. Элион захрипел — влажно, надсадно, — ударил меня по лицу, но я лишь сильнее вдавил его в каменный пол.

Свет голубых кристаллов отражался в воде и дробился на тысячи искрометных осколков. Взгляд на миг прикипел к этим бликам; хрип напарника истончился и превратился в скулеж. Светлая вода пошла алыми разводами, вышла за края, густея, и... вдруг взмыла над нами.

«Что за...» — мысль захлебнулась — волна обрушилась на меня.

Я распахнул глаза — их щипало — и резко огляделся. Дыхание сбилось, а потом я выдохнул.

Это же Морская улица.

Кровь ручьями стекала с брусков мостовой в трущобные канавы, разнося металлическую и гнилую вонь. На обнаженном по пояс мужчине не было видно и дюйма чистой кожи — он давно окрасился в багровые и темно-синие цвета. Остальные одержимые, которых уже предали очищению, лежали на площади вразброс с телами их жертв. Двое убитых. Пятеро раненых. Точно... это все из-за меня. Сайрус успел бы помочь другим Аделисам и спасти всех, не напросись я пойти с ним, не будь я таким медленным.

Я ждал, когда придет стыд. Жалость. Живот тянуло — я решил, что это оно. Оказалось, просто хотелось есть.

Последний одержимый не мог встать, скулил о жене и дочери, закрываясь руками, и в этом не было ничего демонического. Мышцы на его руках вздувались, извилистые вены набухали и чернели — тело не выдерживало магических потоков, хотя лицо оставалось человеческим. Испуганным.

Я перебирал пуговицы жилета и разглядывал мужчину — как дети разглядывают кузнечиков, пойманных поиграться.

Интересно, если прислонить ухо к его груди, я услышу шепот тьмы в костях? Или только хрип умирающего?

— Не трогайте его! Пощадите! — Женский крик разорвал воздух.

Двое Аделисов миглом схватили ее и оттащили за ограждения. К горлу подступила тошнота, окислила язык. Я до немоты сжал кулаки, чтобы не сорваться и не заткнуть ладонями уши. Нахлынула поздняя мысль: он и есть человек.

Я огляделся — будто впервые увидел тела тех, кто попытал удачу с сосудом и не справился.

Так не должно быть. На лбу выступила испарина.

Сбоку раздался влажный хлюпающий звук — с таким вытаскивают лезвие из плоти. Я уткнулся взглядом в свои ботинки, но *хлюп* эхом повторялся в ушах вместе с криками женщины. Казалось, даже если уберусь подальше отсюда, они не перестанут меня преследовать. Слишком глубоко засели.

Я отвратителен. Понимал это, но не чувствовал.

— Артур, — завибрировал прокуренный голос.

Сайрус равнодушно глянул через плечо. Меня передернуло сначала от его ровного тона, затем от лица, залитого алыми брызгами.

Я знал: он не потерпит слабости. Знал, что должен сейчас же подойти к нему без малейшего сомнения. И не шел. Хотел, чтобы Сайрус сделал выбор за меня. Так было проще — потому что я понимал, *что* от меня потребуют.

— Так и будешь стоять якорем или перестанешь мочить штаны и подойдешь? Не нагрел еще столько, чтобы левый глаз тебя к земле припечатывал.

Он выпрямился возле полуживого одержимого.

— Возьми. — Сайрус протянул мне два коротких меча, тех самых, с которыми я спарринговался. Тогда я думал, что способен на все — ведь мое сердце мертво. Нет. Разум и память живы.

Серебряные лезвия расплывались в глазах, как и все вокруг.

— Покажи мне, что я не зря трачу время.

— Я-я... я не могу... В следующий раз... *пожалуйста...*

Сайрус спокойно подошел ко мне и рванул за мокрые волосы, задирая голову так, что я выгнулся. Я выпустил сдавленный вдох, открыв рот, и схватился за его костлявые руки.

— Запихни свои слюни в задницу. Следующего раза не будет. Либо ты сейчас же пере-
режешь ублюдку глотку, либо я вас обоих прикончу.

Он грубо оттолкнул меня.

Ноги запнулись о выпирающий булыжник. Я рухнул в лужу. Она всплеснула — не холодом грязи, а теплой, густой липкостью, что впиталась в ткань за мгновение. Вскочив, я вытер ладони об одежду. Зажмурился, лишь бы случайно не посмотреть вниз. *Пусть это будет грязь. Только бы грязь.* От резкого сладковато-железного запаха заложило нос.

Оружие с лязгом упало рядом.

Не отвертеться.

Сколько бы ни тер, подушечки пальцев прилипали друг к другу. Желудок скрутило рвотным спазмом.

Ну же, Артур, докажи, что не бесполезен. Я вытер рот тыльной стороной ладони. Ты справишься. Должен справиться. Выдохнув, я открыл глаза и стиснул желваки.

То была не грязь.

Послышалось знакомое чирканье. Наставник закурил и выпустил горький дым, прокручивая сигару между пальцев. На меня он больше не смотрел, но даже сквозь дымку я ощущал его вездесущий, пристальный взгляд. Ему и не надо было поворачиваться — его образ отпечатался в подкорке. Остальные Аделисы не двигались: те, чьих имен я не знал, стояли у развилки и следили, чтобы никто не зашел, только Густав наблюдал исподлобья. Лучше бы никто не смотрел.

Я подобрал мечи, быстро, чтобы не передумать, и двинулся на существо. Он, точно почуяв, вскинул голову, и на секунду его руки отнялись от лица. Стеклообразные, налитые глумливым презрением глаза уставились на меня. Насмехались, как над убогой мошкой, когда он продолжал жалобно выть.

Все это время... не плакал... *Смеялся.*

Изображал из себя человека.

[illegible]

Чтобы я жил.

Лицо одержимого пошло рябью, черты поплыли, как воск на свече. Я моргнул, пытаюсь сфокусироваться. Вонь гнилой крови сменилась запахом пота и сырого камня. Сверху слепил свет. Истощенный женский визг «Пошадите!» обратился мужским рыком:

— Артур, хватит! Черт... Да прекратите же!

Ребра пронзила режущая пульсация — отрезвляющая, простая, понятная боль. Я разжал руки. Подо мной, красный и задыхающийся, лежал Элион. Не одержимый.

— Ты чуть... не прикончил меня! — просипел он, откашливаясь и потирая горло. — Ты мне должен две кружки эля за это. Минимум.

Я оглянулся: нас окольцовывали колонны с реями, оружие привычно висело на сферической стене, голубые кристаллы пиками свисали с потолка, излучая мягкое свечение и превращая тренировочный зал в подобие морского дна.

— Ты слишком крикливый для того, кого чуть не прикончили.

Элион, морщась, распластался на спине звездой.

— Да-да, как обычно, сам напросился. — Он помолчал, потом снова посмотрел на меня. — Опять приступы?

— Захват локтя у тебя дерьмовый. Сколько раз показывал: не прижмешь плечо — не заламаешь сустав.

Он усмехнулся, но взгляд остался цепким.

— Уходишь с темы.

— Кончай трепаться и вставай. Спарринг не окончен.

Демонстративно закатив глаза, Элион рывком закинул ноги за голову и, оттолкнувшись руками, приземлился на стопы.

— Ну уж нет. На сегодня я пас.

— Как знаешь, — сказал я.

Не поверил. И пусть. Все равно не его дело.

Подойдя к наполненной бочке, я зачерпнул ледяную воду и умыл лицо. Тремор в пальцах не унимался.

Два дня прошло после возвращения из Леса Ворхов, а я до сих пор не показывался на арене. Зря. Дело дрянь, раз уже дошло до наваждений.

Я наклонился к мечам, приставленным к бочке, и в ребрах прострелило. Сдавил железные края, пережидая спазм. Кинул взгляд на Элиона — он не смотрел. Хорошо.

В подернутой зыбью воде отражались мои глаза.

Что тот ларк имел в виду? Если бы я не сорвался... мог бы выудить из него что-нибудь кроме пустой болтовни.

Нет.

Все мое естество вскричало об опасности. Хотя что мог сделать мне несчастный старик?

Сжав челюсти, я плеснул водой и вышел из зала.

Надо срочно на Дымку. Бои обнуляли то, что копилось внутри. Позволяли мне держать себя под контролем. Сайрус зовет это проклятием мертвого сердца и верит, что я хочу его снять. Он ошибается. Мне не нужно его снимать. Мне нужно, чтобы оно работало на меня.

Я сжал пальцы в кулак, вспоминая, как ломаются кости под чужой кожей. Сердце в груди толкнулось в ответ — благодарно. Демоническая чернь не отравляла меня. Она была мной. И она хотела жрать. Я знал это так же ясно, как знал, что Кассиэль существует, а если что-то существует — оно может исчезнуть. Умереть. Даже Бог Утешения.

Свою радость я не мог потрогать. Свое счастье. Не могу сейчас нащупать пустоту и злость — но они есть, как есть и Боги. Не плод воспаленных фантазий ларков. Я убедился сам. И я положу жизнь, чтобы добраться до него, чего бы это ни стоило. Мне уже нечего терять.

Я тихо усмехнулся, прокручивая в голове видение моего первого убийства. Шаги гулко отдавались в пустом коридоре.

«Адаптируйся или умри» — однажды сказал мне Сайрус.

В ту ночь он нарочно выбрал целью «скрытого» одержимого. Будь это неконтролируемый, слабый демон, было бы слишком просто. Разумные — самые мерзопакостные, и в этом заключалось испытание. Ему нужен был не сам факт очищения. Сайрус хотел именно убийства.

Хотел инструмент. И я им стал. Адаптировался. Иначе давно бы сам был предан очищению — Сайрус не позволил шакалам наброситься на меня. Он покровительствует мне как глава Аделисов, против которого никто не смеет раскрывать рта. Ни знать, ни сошки поменьше, пусть и захлебываются недовольством. Я волен бродить где угодно и делать что угодно.

Я свободен.

Пройдя по катакомбам, я вышел на улицу Дымящих Рук, где веселье не угасало даже днем. Вывески лавок, кабаков и борделей пестрили синим, красным и золотым. Разодетые женщины у входов зазывали прохожих, а нескончаемые толпы гуляк, туристов и прочего сброда заполняли дорогу и тротуары, не давая пройти. Я протискивался среди галдящих мужиков, что обсуждали ставки на бой и торопились так, будто двери вот-вот закроются перед самым носом. Запах кислого пойла въедался в одежду и волосы прохожих. Казалось, сама мостовая выпитала его — столько дешевого алкоголя изливалось на нее изо дня в день.

Я свернул со звериной тропы в переулок, обогнул давку и вышел к каменной арене, чьи стены возвышались над землей. Отворил деревянную дверь с ручкой в виде копыта и вошел в просторное помещение, которое предназначалось для участников сражений. Владелец обызывает это место «приемной» — сюда приходят подать заявки на участие и внести плату.

— Уважаемый, — растягивая гласные, заискивал Малгреф — управляющий арены, — давно же ты не захаживал. Я было подумал очурился где-нибудь, ан нет, живее всех живых.

Он посмеивался, сотрясая складки живота под натянутой рубашкой. Но сквозь узкие щелочки глаз я видел, как его блестящие зрачки оглядывали меня, точно товар на пригодность.

— Когда следующий бой? — сухо спросил я.

— Можешь выйти на следующем. Сегодня хорошо идет, замечательный день. — Он облизнул тонкие пересохшие губы и расплылся в змеиной улыбке. — Пойдешь после нового личика.

— Нового? — Я выгнул бровь. — О чем ты, здесь постоянно снуют заезжие слабаки. Неужели сильный, раз ты так его выделяешь? Орондорец? Они хорошие бойцы. Поставь меня с ним, если выиграет схватку.

Я кинул ему три миля.

— Нет-нет, не сильный — сильная, — сказал он по слогам. — Даже жалко было записывать. Смазливая, честное слово, Гвинеей поцелованная. Ей бы не сюда, а в местечко более подходящее устроиться. — Малгреф визгливо хохотнул. — Изуродуют же. Но кто я такой, чтобы упускать вальдоры? Зрители рекой полились. Падкие ублюдки.

— Женщина, значит, — ответил я с досадой.

— Что ты заладил: женщина, женщина! — Он всплеснул руками. — Гадины все. Ты их пожалеешь, а они тебя — нет. Поди посмотри хотя бы, глядишь — передумаешь. Я на вас знаешь какой куш сорву. Тебе хорошо заплачу, не обижу.

Я метнул в него взгляд, полный отвращения.

«Самый падкий и гадкий ублюдок здесь именно ты», — крутилось на языке.

Прекрасно знает, что я не сражаюсь с женщинами, а все равно смеет предлагать.

— Ладно, чего ты сразу. Не настаиваю. Я так, для осведомленности. — Он стушевался и тут же напыжился, схватился за ремень под брюхом, выпячивая подбородок, якобы гордый павлин.

В приемную зашли еще мужики. Я накинул капюшон и направился к винтовой лестнице, ведущей с покового этажа на смотровые зоны. Крепко сжал рукояти мечей на поясе, чтобы пальцы меньше дрожали. Не помогало. В узком проеме гулял сквозняк. С каждым пролетом публика гудела все отчетливее. Я вышел на трибуны, и плотный, заряженный воздух обдал духотой.

Жар разгоряченных тел пробирал даже через одежду. Казалось, зрители сами были не прочь вырваться на поле и вцепиться в противника, против которого поставили сокровенные монеты. Только кишка тонка, а лаять из-за ограждения — милое дело.

Я проталкивался через толпу к первому ряду. Это не составило труда — стоило людям увидеть маску с эмблемой, как они сразу расступились. Передо мной открылся проход почти к самым прутьям, к месту с хорошим обзором. Взглянув на песчаную арену, я вцепился в ограду, чем напугал парня, стоявшего вплотную к ней.

— Сумасшедшая, — вырвалось у меня.

В самом центре стояла Беглянка. Пригнувшись, она ступала по периметру, отрывисто дышала, и, кажется, была ранена — по наплечнику стекала кровь.

— Добивай ее и выпускайте следующих! — выкрикивали скучающие лица.

— Да-да! Выпускайте!

— Зачем только идут на бои позориться. Смотреть больно, — сказал незнакомец передо мной.

— Так не смотри. — Я схватил его за воротник и отпихнул от ограды.

Против девушки выступал здоровяк раза в три больше нее, и будь она хоть вся обвешана артефактами, все равно уступала бы по силе. Только артефакты на арене запрещены, а без них она — труп.

Малгреф больной ублюдок.

Беглянка вдруг остановилась, игнорируя свист зрителей, наклонилась еще ниже, вскинула шпагу к виску и бросилась в атаку. Противник — грузный, неповоротливый. Она же наносила быстрые, мелкие удары, звон которых разносился по рядам, и легко уходила в перекаты, уворачиваясь от тяжелых замахов.

Чего ты добиваешься? Не сможешь ведь бегать вечно.

Я облокотился скрещенными над головой руками о ржавые прутья.

Одно попадание — и конец. Повезет, если отделается сломанными костями. Тоненькая шпага уж точно не могла пробить стальную броню.

Гигантские песочные часы в стене почти закончили отсчет. Значит, громила сейчас ее добьет, иначе после боя прикончат его самого за ничью и потерянные деньги.

Буду ли я вмешиваться? Нет.

Глупая девчонка либо умрет по «неосторожности», либо выживет и умрет в другом месте. Такие всегда наживают себе и окружающим неприятности. Еще там, в лесу, я заметил это — безумие. Оно рвется наружу, словно хищник, изголодавшийся по лакомой дичи. Это видно даже по ее стойке. Только Беглянка не знает, как им управлять, слышит зов яростной энергии, поддается ему и сгорает в хаосе суеты, в дерганных движениях. Все ее тело сковано книжными рамками и заученными выпадами, которые только мешают.

Предрекая исход, я развернулся и зашагал в подтрибунные помещения готовиться к собственному бою. В этот миг арену накрыла волна рева. Зрители разразились криками эйфории, вытягивая руки и оглушительно освистывая.

Я обернулся и не заметил, как поток людей вынес меня обратно к ограждению. Двухметровый мужчина пал на колени перед девчонкой и не мог сдвинуться с места.

Громила вымотал ее — она задыхалась от истощения и едва стояла на ногах, — но, черт возьми, улыбалась. Я точно видел: всего на пару секунд ее лицо исказил оскал удовольствия, и тут же исчез. Беглянка замерла над противником, свысока наблюдая, как под ним расплывается багряная лужа, что впитывалась в глину с песком. Она окинула публику высокомерным взглядом, пока те бранились, выкрикивая всевозможную дрянь.

Все злились из-за проигранных ставок, но никто не понял главного: победа — не случайность, а ее хитрый план, о котором я догадался только сейчас.

Беглянка все это время делала вид, будто пытается пробить защиту, когда на деле раз за разом прорезала кожу через крохотные щели в броне, медленно подбираясь к сухожилиям. Теперь из щелей сочились раны, а мужик не мог двинуться — она добилась своего.

Не сразу, но я вдруг осознал: пальцы на рукоятках лежали спокойно. Я больше не дрожал.

Глава 7 Элеонора. Фигуры

— Пстой-пстой! — Малгреф семенил за мной, переваливаясь с боку на бок. — Куда же ты? Вышло недоразумение!

Я резко остановилась. Он едва не врезался в меня брюхом.

— Ты сказал: «Я знаю Кирана Обергина». Слово в слово.

— Так я знаю Кирана! — Он всплеснул руками. — Кирана Оберлина. Торговец с Верхнего рынка, почтенный человек. А ты ищешь Обергина. Ну похожие имена, согласись! С кем не бывает?

Я молча смотрела на него. Капли пота блестели на лысине, стекали по вискам за воротник. В приемной пахло рыбой — он ел, когда я вошла, и теперь рыба кость прилипла к рукаву.

— Ты с самого начала знал, что не поможешь. Знал и отправил меня в бой.

— Я... — Малгреф осекся под моим взглядом. Потом вздохнул, вся дежурная улыбка сползла с его лица — медленно, как жир со сковороды. — Ладно. Допустим. Но бой-то ты выиграла и деньги получила. В накладе не осталась. Участвуй еще! Мне нужны такие подснежники. Эй! — последнее он выкрикнул, когда я направилась к выходу.

Дверь позади меня грохнула так, что колокольчик слетел с крюка.

Быстро отца я не найду. Если он вообще жив. Роджер как-то обмолвился, что Лукреция познакомилась с Кираном именно здесь, на арене. Тогда он был Аделисом. Дядя называет их имперской опухолью: говорит, без нее Ламарант гниет изнутри, и гниль эта пойдет не на удобрение, а разест все якоря, на которых держится порядок.

Может... та встреча в лесу была знаком? Не надо было давать ему уйти.

Я сошла с улицы Дымящих Рук — дымящих, по слухам, из-за постоянных мордобоев и похоти — на смежные улочки и заблудилась в бесконечных проулках, уводящих прочь от центра. Здесь не плескались волны и не рокотали цепи, как на Якорной набережной, где я сняла номер за два лайра. Там даже ночью не стихал ажиотаж торгового порта, создавая иллюзию жизни. В этом же районе тишина звенела громче цепей, и лишь тихий гул рынка слышался где-то в стороне. Скрип редкой телеги пробирал до мурашек, пронзительный, словно крик чайки. Воздух становился спертый, и каждый вдох наполнял легкие тяжелой влагой, будто глотаешь саму соль. Дома из синего мрамора с флагами золотистых колосьев сменились грязно-серыми коробками. Ни тебе императорских знамен, ни сияющих шпилей. Даже ветер покинул эти окрестности. Только красные лапки крыш оставались неизменными в столице.

Выйдя к площади, я остановилась у указателя — старого якоря, поросшего мхом, точно бархатом. Атмосфера была под стать: мягко обволакивала сладковатым запахом, но стоило задержаться, как он начинал душить, и ты узнавал в сладости плесень.

В лавках мужчины с закатанными рукавами и по локоть в слизи очищали свежую рыбу. Серебристая чешуя слетала под взмахами ножей, как платя с пайетками с тел танцовщиц на Дымной улице.

Я жадно впитывала каждый закуток этих отвратительных, но отчего-то притягательных мест. Может, то было наваждение, взбудоражившее меня после сражения, а может, просто голод по новым впечатлениям. Или желание заглушить назойливую мысль: «Чтобы фигуре стать ферзем, ей надо знать, куда двигаться. Иначе ее съедят».

А я не знала.

От каждого шага монеты — выигрыш за победу, позвякивали и оттягивали кошель на поясе. Синяки ныли вместе с мышцами, что натянулись скрипичными смычками. Соперник оттащил меня по песку — специально заводил публику и медлил, наслаждаясь. Он толком и мечом не атаковал, считал велика честь для какой-то соплячки. И славно. От этого было еще приятнее размазать самоуверенность по лицу громилы. Жаль, что бои официально проводят

лишь в Вальтарии, правда... Участвовать ли дальше в них? Этот вопрос крутился в голове, когда я спускалась по длинной лестнице с множеством ответвлений. Сегодня мне повезло, но неведомо, что принесет завтра, послезавтра или любой другой день. Как долго Марва будет оставаться на моей стороне? Ногти впились в ладони.

Чья-то рука рванула меня за плащ и утянула в темноту проулка. Я открыла рот, чтобы закричать, но голос утонул в прижатой к лицу перчатке. Вырвалось лишь сдавленное мычание. Я забилась всем телом, уперлась руками, пытаюсь оттолкнуть неизвестного. Тщетно. Он развернул меня и придавил предплечьем к стене, грудную клетку сдавило так, что заныли кости. Свежие синяки.

— Да угомонись ты. Какого черта шатаешься здесь, Беглянка? Не терпится, когда продадут в рабство или на рынок? — прошипели над ухом.

Голос... знакомый. И это глупое прозвище.

Я замерла. Он немного отстранился, света с главной улицы хватало ровно настолько, чтобы я увидела темные кудри и янтарные глаза. Сомнений не осталось — это тот самый Аделис.

Накаркала...

— Я отпускаю руку, а ты не кричишь. Поняла? И думать больше не смей соваться в Нижний район. Таким, как ты, здесь не место.

Таким, как я? Да кем он себя возомнил?

Я коротко кивнула.

Он медленно убрал ладонь. Шершавая кожа перчаток скользнула по моим губам. Аделис не сводил с меня взгляда, и глухая, невозмутимая пустота в его глазах раздражала до скрежета. В голове мелькнуло: «А если он сдаст меня патрульным?»

Надо бежать.

Втянув воздух, я дернулась к шпаге.

— Гадство. — Аделис рванулся, чтобы снова зажать мне рот.

Я оттолкнулась от стены и вцепилась зубами в его пальцы. Инстинктивно. На языке разлился кислый привкус пота и медный — крови. Это закровоточила губа, разбитая в бою.

Прорывав что-то невнятное, он отдернул руку и отступил, уставившись на место укуса.

— С ума сошла?!

— Отойди от меня! — ядовито прокричала я и ударила его кулаком в грудь. Отшагнула и вмиг выхватила шпагу, увеличивая дистанцию. — С какой стати ты смеешь раздавать мне команды? Тащить в переулок — это у тебя такой особый жест вежливости?

— Акт милосердия, идиотка.

— К твоему сведению торговля людьми запрещена.

— В твоих снах она запрещена.

— Мы в столице.

— Добро пожаловать в рассадник, дорогая. — Он развел руками.

Аделис и не думал отступать от выставленного лезвия. Гораздо больше его занимало место укуса.

Святые Благодетели, я же едва его задела.

— Зачем тебе бои? — Он наконец оторвал взгляд от перчатки. — Денег у тебя хватает, одета не как нищенка.

— Откуда... Ты все-таки следил за мной.

— Ты рисковала не ради выигрыша. Я видел твое лицо. Тебя могли убить, ты в курсе?

— Голос Аделиса звучал ровно и спокойно. Даже слишком.

— Прямо как ты сейчас? На арене запрещено убивать.

Мужчина взметнул густую бровь.

— Да что ты говоришь, — зло усмехнулся он, — все чхали на это правило. Знаешь сколько я видел таких наивных? Убийства запрещены, а *случайные* смерти — *нет*.

— Умолкни. — Я шагнула к нему. Он не отступил. — Я победила.

— Ты просто облажалась чуть меньше, чем тот идиот. Будь он серьезен, он бы размазал тебя, и ты ничего бы не смогла сделать, ясно? Не лезь туда, где не знаешь правил. И в нижние кварталы не суйся. Нам и так не хватает рук, чтобы...

— Урод, сама разберусь!

Я резко развернулась к главной улице и остолбенела: перед самым носом, дрожа, короткий меч вонзился в щель между кирпичами.

— Для чертовых приезжих и жителей Верхнего и Среднего районов Нижний — закрыт. Пусть стража с тобой разбирается.

— Стой! Мне нельзя к страже... — Я едва успела выставить оружие.

Лоб опалило жаром, захотелось закричать. Ведь он прав, бездна его раздери. Серьезный противник размажет меня в секунду. Бойцы арены — убийцы. Одержимые — еще хуже. Сколько бы я ни тренировалась с дядей и Роном, опыт кровопролитных сражений не заменишь, а без него отца не найти, не выжить. И признания Роджера не получить.

Опыт, сила и поиски отца.

Пальцы жгло — так сильно я сдавливала рукоять. А потом разжала их, вскинула на Аделису взгляд и выпалила то, что секунду назад сочла бы полным безумием:

— Помоги мне вступить в Аделисы. У вас же открытый набор для добровольцев? И рук не хватает, твои слова. Я хочу.

Я сбегала, чтобы поймать двух стрекоз за крылышки, не зная как, но сейчас они, кажется, сами сели мне на ладони. Надо только успеть сжать.

— Врешь, — отрезал он.

— Вру.

Темные брови взметнулись на лоб.

— У тебя проблемы с головой?

— Ты сам сказал, что я слаба. Видел бой. Я хочу стать сильнее, а в Орден Солнечного Креста мне путь заказан по... кое-каким причинам. И я ишу человека, который был Аделисом. Может, до сих пор служит. Мне это *надо*.

Я знала: стоит проявить сверхуверенность, и он упадет мне в руки, точно спелая слива. Это безотказно работало.

— С чего вдруг мне тебе помогать?

Где-то пробежали дети — их голоса взлетали и падали. Я молчала, пытаюсь найти хотя бы один аргумент. Его не было.

Аделис прожигал меня желтыми глазами, нагнулся ближе. В его волчьем взгляде клубилось... веселье? Не знаю. Он смотрел с той хищной пристальностью, от которой слова застревали в горле, оставляя холод вдоль хребта. Озноб.

— Тебе настолько хочется риска?

Я сглотнула.

До сумасшествия.

— С чего ты взял? — Я выгнула бровь, в остальном сохранив полную невозмутимость. Зеркалила его.

Он усмехнулся и уперся грудью в острие шпаги. Подходил ближе, оттесняя меня. Я поднимала клинок все выше и выше, пока лезвие не устремилось ему прямо в горло. Лопатки прижались к холодному камню. Аделис стоял слишком близко. Снова. Настолько, что я могла чувствовать обжигающее тепло его тела, терпкий, мягко обволакивающий горечью, запах табака.

— С того, что нормальные не пойдут на бои. Не будут так нагло смотреть мне в глаза. Не будут улыбаться, как чокнутые. Смешно тебе? Думаешь все шулка? Вот только тела, которые ежечелвно соскабливают с улиц здесь — нет. Они настоящие.

— Я не шулу.

— Тогда прекрати лыбиться, Беглянка, — сказал он и выдернул лезвие у моего виска.

Я вытаращилась на него, хотела уже осадить, как вдруг поняла... Бездна. Я в самом деле все это время улыбалась. Какого черта? Весело... мне, а не ему. И блеск в его глазах — лишь отражение моего собственного.

— Какое тебе вообще дело до причин? Я сама вольна решать, что мне делать. — Отпихнув его, я нырнула под руку и зашагала к главной улице. — Веди к вам в штаб или где вы там собираетесь.

Звука шагов позади не последовало. Я обернулась и напряглась каждой мышцей — во тьме горели два янтаря.

Аделис бесшумно двинулся на меня.

— Ладно, пусть Сайрус с тобой разбирается, — сказал он и потащил за предплечье.

— Так просто?

— Успела передумать?

— Нет. — Я сорвала его хват.

— Вот и отлично, шевелись. Все только начинается.

Почему он вдруг согласился? Думает, испугаюсь и сбегу? Уверен.

Я нахмурилась. Ага. Десять раз.

Мрак зябкого проулка сменило блеклое осеннее солнце на широкой лестнице. Прохожие ступали в своих заботах, не обращая ни на кого внимания: женщины придерживали на макушке корзины с бельем, мужчины несли сумки — возвращались с работы, молодежь — с занятий. Из приоткрытых окон доносился тонкий наигрыш — кто-то фальшиво играл на свирели.

Аделис рывком накинул спавший с меня капюшон, указал вниз, намекая следовать за ним, и сказал:

— Не свети лицом. Нигде. Постарайся хорошенько это запомнить, а то, видно, чувство самосохранения у тебя напрочь отсутствует.

Я спрятала шпагу в ножны и бросила на него недоверчивый взгляд.

Напыщенный гад.

— Уж извини, не довелось как-то ознакомиься с правилами головорезов, мое упущение, — съязвила я и почтенно склонилась в реверансе за его спиной.

— Избавь меня от своей язвы, Беглянка, мы не головорезы.

Я насупилась. И не из-за хамства, а идиотского прозвища, которым он продолжает меня называть. Издевается?

— Вы убиваете одержимых, — ввернула я. — И между прочим у меня есть имя.

— Во-первых, — он понизил голос до шепота, обходя людей, — всем плевать, как зовут кошку, пока она не принесет мышь. А во-вторых, мы не убиваем, а *очищаем*. Так называется процесс освобождения души от демона. Если правда решила вступить, то должна это знать. И очищения — не единственное, что нам поручают. Любая грязь — на наших пальцах. Не боишься замарать ручки?

— Я думала это ты боишься. Милые перчатки.

Он бросил в меня хмурый взгляд и поправил маску, натянув ее на переносицу.

— Думать вредно. Особенно тем, кто не умеет.

— Сочувствую.

Мне показалось, или у него дернулся глаз? Я жевала щеку, чтобы не ухмыляться. Хотелось бы увидеть его лицо без маски. Такое же ли оно равнодушное, как его взгляд? Он носит

ее из-за шрамов? Я толком не успела разглядеть тот, что тянется от виска до виска, но рубец выглядит болезненным. Как он не ослеп от такого?

— Отстанешь — ждать не буду, — сказал Аделис и перепрыгнул ржавые перила, не дойдя до конца спуска.

— Эй! Серьезно? Здесь метров десять... — Черный плащ скрылся под лестницей. — Не дожدهшься, — прошипела я и вцепилась в ограждение, перекинула ногу и замерла перед пустотой, которая, казалось, только увеличивалась между мной и землей. Толпа, как ручьи из муравьишек, проплывала по мостовой. Ладони взмокли. — Давай же, Элли, где твоя Бартирова храбрость.

Но я не могла. Смотрела вниз и не шелохнулась. Стиснув зубы, забежала глазами по сторонам в поисках выступов или чего-нибудь, за что можно было бы зацепиться.

— Мне долго тебя ждать? — послышался голос Аделиса. Он стоял в конце лестницы, прислонившись к закрученному столбу перил. — Не вынуждай меня сменять тебе прозвище на Клуша.

— Что... можно просто спуститься? Чтоб у тебя ячмень вскочил!

— Обязательно. По крайней мере, у тебя достаточно мозгов, чтобы слепо не повторять, — последнее он прибавил шепотом, но я услышала.

Мы обогнули шумные скопления и пробирались через узкие переулки, порой настолько тесные, что приходилось протискиваться боком. Ноги утопали в кучках опавших листьев — их сметали сюда с основных дорог. Строение улиц напоминало срез коралла, в котором пряталось бесчисленное количество тоннелей.

Буйство запахов щекотало ноздри, отчего поминутно хотелось чихать. С одних сторон тянулись приятные ароматы свежего хлеба, пряностей и сушеных яств, с других душили специи. Все это перемешивалось с отдаленной вонью канализационной гнили.

Я ожидала увидеть крепость на отшибе или что-то в таком жутком духе, пока шла в штаб мрачнейшего ордена империи, однако мы остановились у неприметного трехэтажного дома. Такого же серого, как и везде в трущобах. Аделис достал ключ на шнурке, подошел к люку от погреба и принялся его отпирать.

«Несущие смерть, что знаменует перерождение», — прочитала я одними губами надпись, вырезанную в камне над входом.

— Дальше пойдем через катакомбы, — осведомил меня Аделис и щелкнул замком.

Он с визгом отворил железные дверцы. Холодные лучи света заползли во тьму прохода, в котором ступени уходили глубоко под землю. Из него потянуло сквозняком.

— Отлично, спешу сообщить, что я не планировала сегодня умирать. Вообще умирать не планировала, — сказала я, мерно вжимая и разжимая ногти в ладони.

Сердце билось так, будто хлопала крышка клавикорда. Обычно так и появляются истории о городских трупах в летучих листках. Хотя нет, жертвы не идут добровольно в темный подвал с подозрительным незнакомцем, тем более убийцей. Да, Элли, тебя оставил не только Бартир, но и мудрость Ориона улетучилась.

— И не придется. По крайней мере, если будешь делать так, как я говорю. Не отходи ни на шаг, не наступай в лужи и ради всего святого, просто не шуми. Повтори, что я сказал.

Я уставилась на него, а когда поняла, что он не шутит, склонила голову в бок.

— Я не твоя подчиненная.

Его веки нависли на глаза, всем видом демонстрируя, сколь мало терпения у него осталось. Аделис молчал и в этом было столько давления, что можно подавиться собственной слюной.

— Пока нет. Не буду я отходить.

— Дамы вперед, — сказал он бесцветным тоном, имитируя приглашение джентльмена.

— А свет?

— Зачем?

— Смеешься? Там же ничего не видно. Мы все ноги переломаем.

Вздыхнув, Аделис протянул мне край своего плаща.

— Факела нет, светового камня тоже. Я их не использую. Так что выбирай: остаешься здесь или идешь.

Я смерила его настороженным взглядом, пытаюсь прочесть хоть одну эмоцию. Напрасно. Маска скрывала лицо выше скул, а внимательные глаза морозили своей черствостью душу. Я усмехнулась и облизнула пересохшие губы.

Что я творю?

Разум верещал бежать стрелой прочь, но здесь... в этом чувствовался вызов. Опасность. Жар раскалил нервные окончания, как пламя — угли. До самого нутра.

«Давай. Ты же хотела испытать себя», — шепнул внутренний голос.

Я жадно втянула морской воздух и... ступила внутрь. Аделис вошел следом и запер замок изнутри, погрузил нас во мрак.

Теперь пути назад точно нет.

Пешка сделала второй шаг.

Под Вальтарией разрастался извилистый лабиринт. Не знаю сколько мы шли по витиеватым тоннелям: здесь не слышно храмовых колоколов, отбивающих каждый час. Время растворилось, как соль в воде — мы могли идти час, а могли десять минут. Эти пути были способны вывести в любую точку столицы, оставив тебя сокрытым от чужих глаз. Я пыталась запомнить дорогу, но сбилась на четвертом десятке поворотов. Аделис же знал каждый камень, каждую выбоину и предупреждал, когда надо поднять ногу выше, наклониться или обойти яму. Он ни разу не замаялся. А я ни разу не отпустила плащ. Холодные порывы кусали щиколотки и забирались за воротник, с потолка на голову изредка падали капли. Мне постоянно чудилось, будто я вижу кого-то в темноте. Будто тот, чьи рыки и визги доносятся до нас, позади и вот-вот набросится. Оборачивалась — видела мрак. Я больше не могла идти на ощупь. Каждый шорох в темноте казался занесенным над головой когтем.

— Как ты здесь видишь? — спросила я шепотом, но голос отразился от стен звонким эхом.

Аделис резко притянул меня за шею под затылком и уставился в глаза. Так близко, что я ничего не видела, кроме горящих радужек со змеиными зрачками. Они кричали мне: «Молчи». Я не дышала. Рычание то приближалось, то отдалялось. Когда оно стихло, Аделис продолжил вести. Его рука так и осталась на моей шее. Я не осмелилась ее сорвать, пока мы не подошли к тупиковой стене. Она отодвинулась в сторону, стоило надавить на скрытый механизм. Из проема потянулся комнатный свет. Я мысленно выдохнула.

Серьезно. Впечатляет.

Руки подрагивали. Я шагнула в коридор, освещенный магическими камнями в канделябрах. Под их маслянным светом гладкие плиты блестели.

— У вас всегда так тихо? — спросила я, когда Аделис закрыл тайную дверь и крошка под камнем перестала шуршать.

— Подожди немного. В нашем отделении нас всего пятеро, но одна парочка заменяет целый табор. Смотри на зевай рядом с ними, Беглянка, — сказал он и хлопнул меня по спине, подгоняя идти к лестнице.

Оттуда мы вышли в просторный круглый зал с креслами и диванами цвета изумруда. В воздухе витал запах кожи — по всему периметру были развешаны пергаменты с городами Ламаранта и тремя районами столицы, из которых самой большой висел чертеж нижнего, подписанный чернилами. Наверное, раньше это был храм — за картами, на стенах, виднелись фрески с рисунками богов. Их не перекрыли — соскребли. Половицы стреляли под ногами сухим, рваным треском. Тусклый свет падал на красный ковер, проеденный пятнами, о проис-

хождении которых мне было лучше не знать. Серость с улицы лишь подчеркивала выпцветшую краску и проплешины. Я запрокинула голову, отмечая красоту деталей былой роскоши: обломанная лепнина с колосьями тянулась вдоль купола на потолке, а витражные белые, синие и зеленые стекла соединялись в виде цветка с шестью лепестками — эмблемы Аделисов.

Интересно, в солнечные дни здесь расцветает танец разноцветных лучей или толстый слой пыли разбивает их в молоко?

— Раздери меня тысяча чертей! — хрипло, будто спросонья, воскликнул незнакомец позади. Я тут же схватила эфес и обернулась. — Артур, что за прелестная девушка с тобой? Пополнение, а я и не в курсе. Обидно знаешь ли.

В кресле, сцепив руки на затылке, развалился лохматый парень. Его ухмылка была ленивой, как у сытого кота. Не отпуская шпагу, я глянула на Аделиса. Он качнул головой, однако на переносице у него залегла складка.

Артур значит.

— Ты целыми днями здесь валяешься? — рывкнул он и стащил парня с кресла за ногу. Тот вяло пытался его отпихнуть пяткой.

— Сайрус знает? — спросил незнакомец, не утруждаясь подняться с пола — просто прильнул виском к сиденью и обмяк.

В тени его волосы отливали бордовым. Артур молчал, сверля того взглядом, будто решал, что с ним делать. Парень поморгал в ожидании и вдруг энергично вскочил с кривой ухмылкой.

— Ха! Привел чужачку, да еще и без ведома Сайруса.

Он шагнул ко мне, Артур подставил ему подножку, но парнишка мягко сделал кувырок и встал прямо передо мной, вытаращился в упор. Глаза у него были зеленые, как бутылочное стекло на солнце.

— Веди себя прилично, — велел Артур.

«У него что, парализована правая сторона лица?» — подумала я, когда только левая бровь подскочила, левый глаз — распахнулся, а вся правая сторона осталась неподвижным камнем. Кривая улыбка напоминала одну из масок, что я видела в цирке. Я отвела взгляд.

— Тебе влетит, — ехидничал лохматый.

— Заткнись и присмотри за ней.

— Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — не выдержала я.

Артур тяжело втянул воздух.

— Я схожу к Сайрусу. Жди здесь и не смей ничего выкидывать. Оба. — Он указал на нас пальцами.

— Почему я должна ждать? Я тоже пойду и...

— Тихо-тихо, сестрица, спорить бесполезно. — Парень закинул руку мне на плечо.

Металл его серебряных колец царапнул броню. Тело сработало раньше, чем мозг: я перехватила мощную кисть, рванула ворот и еле перекинула тушу через плечо.

Зараза, тяжелый.

— Мило, — присвистнул он, распластавшись на ковре. Протянул мне руку все с той же улыбкой. — Элион.

Я метнула взгляд к коридорам, — их было ровно шесть и все под номерами — но не знала, в котором из них скрылся Артур.

Сжав пальцы, я до боли впилась в ладони. Как шавке бросил приказание ждать.

— Расслабься. — Элион сам схватил мое запястье и поднялся. — Считаю ты уже в команде, нашему наследнику все позволено. Вот только мне крайне интересно, зачем мрачный и нелюдิมый Артур привел тебя к нам.

Он поиграл бровями.

— Вот у него и спроси, — огрызнулась я, не желая объяснять, что сама напросилась. Пусть думает — я важна. Роджер всегда говорил использовать любое незнание человека.

— Как тебя зовут? — Элион спрятал руки в карманы, раскачиваясь с мыска на пятки. Я помолчала, гадая, чего добивается парнишка.

Кто он? Какая фигура на этой доске?

За его непринужденной насмешливостью в чертах скрывалась хитрость. Коты милые, пока не выпускают когти. У этого они точно есть.

— Элеонора.

— А фамилия?

— Просто Элеонора, — настояла я.

— Как-то слишком длинно... Буду звать тебя Элли. Хотя на сцене лучше бы звучали Эльвира или Эсмеральда. Ну что? Объятия по случаю знакомства? — Элион распростер руки, я наполовину вытащила шпагу.

— Не наглей.

— Какие мы колючие. — Он поиграл рыжей бровью и снова начал раскачиваться.

Как дите малое, и смазливое, а он в самом деле красив лицом, несмотря на недуг. Я высматривала шрам или что-то подобное, но за лохмами и плутовских глаз толком не было видно. Как специально отрастил: выдают же.

— Опасная штучка знаешь ли. И дорогая.

Элион скользил по мне взглядом. Не пошлым — оценивающим, будто подсчитывал сколько может стоять каждая вещь. Послышался скрип.

Завидев Артура первым, ибо я стояла спиной к коридорам, он молниеносно подошел и приблизился щекой к моему лицу.

— А мы тут сдружились, пока ты был у главы, — промурлыкал Элион. — Только не завидуй, знаю сложно, но ты постарайся, ладно? — прибавил он с дельной лаской.

Я с размаху, как учил Роджер, ударила его локтем в солнечное сплетение. Наглец судорожно согнулся пополам, не в силах глотнуть воздух.

— Будто первого предупреждения было недостаточно, — сказала я, смотря сверху вниз.

— Я же не трогал! И рядом... кха... постоять уже нельзя?

— Знаешь, Элион, а я все же завидую, — издевательски начал Артур. — У тебя талант сходиться с людьми.

Простонав пару ругательств, парень беззлобно рассмеялся хриплым голосом. Восстановил дыхание, выпрямился и... исчез из виду. Я отшатнулась, рука дернулась к поясу — шпаги там уже не было.

У него артефакт ускорения?

Одна секунда. Одна бездна секунда!

«Конь», — мелькнуло чужое, Роджерово. — «Ходит криво, бьет сбоку. Не угадаешь».

— Я не ошибся, и вправду не дешевая вещица, и гравировка искусно выполнена, красота, — слышалось впереди. Элион, как прежде, развалился на кресле и вертел мою шпагу. — За такую вальдоров пятьдесят дадут, не меньше. Элли, а ты у нас из богатеньких.

— Отдай, это подарок, — прошипела я, надвигаясь на него. — И нет, *Элион*, я из вольников.

— Житель Нижнего района? Ты? Артур, у меня такое чувство, будто меня оскорбили... Если она вольник, то я кто? Червь?

Я выхватила шпагу.

«Надо было проще одеться», — подумала я, стискивая желваки.

— Лучше закрой рот и ступай за Сел. А ты, — Артур обратился ко мне, — за мной.

Элион обреченно вздохнул. Мои брови взлетели.

У него привычка раздавать приказы?

— Я и шага не сделаю, пока ты не объяснишь... — Голос оборвался.

Аделис рывком поднял меня за ворот сзади и поволок к центральной лестнице.

— Поаккуратней, Артур, девушки не любят грубиянов! — весело прокричал Элион.

— Отпусти! — Я извивалась ужом, не веря в происходящую наглость. Вырваться не удалось. — Ладно! Я пойду, сама, только отцепись.

Жилистые пальцы, намертво вцепившиеся в ткань, разжались. Мы вгрызлись друг в друга взглядами. Его — пустой, как заброшенный колодец, мой — полный гнева.

— Прикоснись ко мне еще раз, и я всажу тебе клинок в брюхо, — процедила я сквозь сжатые зубы.

Он одарил меня снисходительностью и выплюнул:

— Если бы ты сразу послушалась, мне бы не пришлось тащить тебя. В отличие от некоторых, у меня есть обязательства.

Я вспыхнула раньше, чем успела осознать безрассудность поступка. Рука скользнула к мечу на его поясе. Дернулась и... повисла в воздухе: Артур рефлекторно поймал лезвие, остановил у своего бока. Меч дрожал от сопротивления двух сил.

— Я не собака, чтобы выполнять команды. Если бы ты вел себя подобающе, а не как невоспитанное животное, я бы слова не сказала... — Я осеклась.

Меня не слушали. Аделис отстраненно смотрел куда-то вниз. Острые зрачки сузились в тонкую, вертикальную линию. Проследив за его взглядом, я заметила скупую каплю крови. Она просочилась через прорез в перчатке, окрашивая серебристую сталь.

Я его ранила. Хотела стащить меч... доказать, что могу. *Не это.*

Отпустив рукоять, будто та раскаленная кочерга, я отшатнулась. В груди заколол комок — то ли злости, то ли стыда, я не разобрала. Сжала кулаки и двинулась к лестнице. Куда угодно, лишь бы не стоять на месте, не сгорать от съедающей изнутри злости, не трястись перед ним.

— Пятая справа, — донесло за спиной, когда мы вышли в коридор.

Этот был значительно глубже под землей.

Как он может оставаться настолько невозмутимым?!

Не оборачиваясь, я молча приближалась к указанной двери. Заставила себя идти медленнее, хотя ноги несли. Он неспешно следовал за мной — я слышала стук его ботинок позади. Здесь полы были выложены камнем. Артур хладнокровно наблюдал. Сознание подкидывало воспоминание о его змеиных, горящих глазах, то, как они пульсировали в такт моему сердцу всего минуту назад. Захотелось стряхнуть побежавшие мураши. Сдержалась.

— И где глава Аделисов? — спросила я, когда вошла в помещение, похожее на кладовую.

От стены до стены тянулись ряды громоздких шкафов, они возвышались до потолка, разделяя пространство на узкие проходы.

— Серьезно думала, что мы идем к Сайрусу? Он сам решит, когда позвать тебя. Не ты.

Я цокнула языком.

Главное, что мы встретимся. Если постараюсь, заручусь его расположением. Сплету больше полезных связей. И пусть у меня нет дюжины шахматных комплектов, как у Роджера, зато я у самого основания короля четвертой власти. Сейчас важно не количество — качество.

— Сюда. — Артур скрылся за крайним левым поворотом.

Узкие секции давили со всех сторон, грозясь стиснуть, расплющить и выплюнуть. Настолько близко они друг к другу стояли в неподвижной тишине. Этаж превращался в немую могилу. Только глухие звуки моих ботинок и шуршание Аделиса у полок нарушали покой. Сырой холод покалывал кожу, спертый воздух душил легкие.

— У того парня, Элиона, нет тлиписиса. Он исполнитель?

Артур окинул меня внимательным взглядом, протягивая вещи из жесткого хлопка: рубашку, жакет, брюки, панталоны. В такой же форме были сам Артур и Элион. Стоило обхватить шершавую ткань, он рванул к себе, оказался глазами на одном уровне с моими. Совсем близко — еще чуть-чуть и соприкоснемся носами.

— А что? От страха наконец поджилки затряслись?

К остывшим щекам хлынула разгоряченная кровь.

— Осведомляюсь, — выдавила я из пересохшего горла. — С вами со всеми надо быть начеку.

Его хищные зрачки сузились и тут же проглотили медовую радужку на выдохе. Казалось, он видел сквозь меня, забрался в голову и рылся в ней. Я смотрела прямо на него. Не дожидается, что отвернусь.

— Долго же до тебя доходит.

Аделис выпрямился и принялся что-то искать.

— Не дольше, чем до тебя, что я просто хочу знать, кто есть кто. Надзиратели должны носить его на шее. А если артефакта контроля нет, значит Элион либо доброволец, либо исполнитель. Но я и клойоса на нем не видела.

— Конечно ты его не видела. Никто не должен распознавать исполнителей. Пусть народ всех боится.

— Умно. Сколько ему лет?

— Восемнадцать.

— Всего? — У меня вытянулось лицо. — Он ведь даже не совершеннолетний...

А уже Аделис. И убийца.

— Ты бы выбрала сгнить в Глотке вместо возможности выкупить свободу?

Меня передернуло от названия башни, что внушала ужас не только жителям Ламаранта, но и народам за его пределами. В ее крошечную тьму заточают преступников на вечные муки. Одним орондорским рыцарям и Богам Чертога известно какие кошмары творятся внутри.

— Нет. Но пятнадцать лет службы... Он не выглядел преступником. Совсем юный.

— Не заблуждайся на его счет или чей-либо еще здесь. Тут не играют, Беглянка. Исполнители не рыцари Креста с заветами о чести и достоинстве. Они преступники. Пока ты будешь жалеть их, на тебя наострят клыки. Все они сброд, которому всего лишь повезло иметь совместимость с боевой рудой.

— Эссар им благоволит.

Аделис усмехнулся, прошел к соседнему шкафу, раза в три длиннее предыдущего.

— Не думала, что удача Бога не благословила их, а прокляла? Лучше сразу умереть, чем попасть в башню или стать заложником на цепи.

— У них есть возможность умереть, но они этого не делают. Значит есть что-то сильнее, чем страдания.

— Что например?

— Надежда.

— Глупо. Она — одни слова, которыми ты утешаешь себя, пока кто-нибудь не разобьет тебе лицо. Есть только факты, а фантазии делают человека жертвой. Ты жертва?

Я слотнула и, заметив, что все время накручивала конец косы, отдернула руку, повела ей вдоль полка, следуя за Аделисом.

— Тогда можно вообще не жить. Зачем брыкаться, если, возможно, ты завтра умрешь? Заболеешь чумой, иссохнешь от голода или, не знаю, тебя убьет одержимый, задавит карета. Все это только возможность. Такая же гипотетическая, как и возможность обратного. Если исход мы не можем выбрать, зачем лишать себя тех крошек, что у нас есть? Никто не отнимет права верить в желаемое, кроме тебя самого. Права на ту реальность, где ты отслужил и смог начать заново. Кто доказал, что перерождение и правда существует? Никто. Может, это наша единственная попытка. — Щепка впиалась мне в палец, легкая боль уколола. — Прости, меня... что-то я разговорилась.

— Порядок. Ты по-своему права. Только не все могут верить, когда вера уже предала. И не раз.

Молчание заполнило каждый уголок пространства. Оно словно густело в сыром воздухе. Я не выдержала и спросила, приподняв форму:

— А это обязательно?

— Да, — отрезал он, беря большим и указательным пальцем брошь из черненого серебра. Я потянулась к ней, но Аделис сжал ладонь и спрятал ее в карман. — Рано. Шестилистник ты еще не заслужила.

Я вобрала воздух через нос. Сбежала, а все как дома.

— И как прикажешь заслуживать, Артур... Мортемар?

— Сайрус даст тебе задание. Пройдешь — получишь. До тех пор ты на птичьих правах. И да, Беглянка, не Мортемар, а Лансерберг. Я не брал фамилию главы.

Или он не позволил ее тебе взять. Я ошиблась... Ферзь — нет. Ладья? Ладья не берет фамилии. Ждет приказа.

Артур открыл шкаф, я заглянула в набитые полки — и обомлела. В шкатулках с инкрустированными в них камнями переливались магической энергией подвески, браслеты, серьги и кольца, их было так много, что они свисали за края. На внутренней стенке и дверцах висело холодное оружие — боевые артефакты. В оправу каждого был вставлен хотя бы один магический камень, чарующий блестящими пылинками внутри, а в некоторых — сверкала целая россыпь. Я сразу узнала почерк иксафирских мастеров. Наши ремесленники поставляют их во все города Ламаранта. Узнала камни из наших шахт: их специально полируют так, чтобы просвечивались потоки магии. Роджер неоднократно рассказывал мне, как от чистоты зависит цена и качество артефакта.

— Это умножит силу удара, — объяснил Аделис, возвращая к себе мое внимание.

В его руках переливались тонкие цепочки, сплетенные в колосок. Я не шелохнулась и с досадой уставилась на протянутый артефакт.

— Спасибо, но я не смогу его активировать, — призналась я на выдохе.

Артур нагнулся, уставился мне в лицо и, словно что-то определив в своей больной голове, склонил ее в бок.

— Я не обманываю.

— Знаю, — отчеканил он и бросил цепочку обратно в шкатулку, запер дверцы. — И все же тогда, у ларка, статуэтка тебе что-то показала, не так ли?

Черт. Заметил.

Я прикусила язык.

— Сама бы хотела знать, почему она сработала. Только это ничего не значит, я купила после того случая плащ незамерзайку и ничего, только деньги зря потратила. У меня нет совместимости с артефактами. Совсем.

Как бы я ни хотела, чтобы было иначе.

Для человека без потенциала любой магический предмет ничем не отличается от обыкновенного.

— Не думала, что такое бывает. — Раздался сзади женский голос. Я резко повернулась. Совсем не слышала, как она вошла. — Ладно боевые, с ними совместимость — редкость, но чтобы и обычные... Не свезло тебе, подруга. Хотя...

Ко мне подошла девушка, и по медной гриве сразу стало ясно — она родственница Элиона. Только в отличие от парня ее волосы уходили в тускло-рыжий и вились крупными локонами. На их фоне особенно выделялись седые пряди у лица, подчеркивающие нездоровую бледность кожи, и окрашенные красным губы, будто она недавно ела ягоды. Слышала, некоторые специально так красятся, чтобы придать цвета.

«Наверное, она из Талинвера», — подумала я, ощупывая взглядом ее руки, перебинтованные от кистей по самые плечи.

От нее разило горькими травами.

— Это справедливо, — сказала девушка, разглядывая меня.

Она потянулась к моей косе, я тут же отшагнула, и ее рот тронула полуулыбка.

— Сел, нельзя такое говорить людям.

— Я всего лишь сказала то, что думаю.

Аделис вздохнул.

— В этом и проблема. Беглянка, это...

Договорить Аделис не успел. Входная дверь с грохотом ударила о стену, осыпая вибрацией с потолка крошки штукатурки. Я на миг зажмурилась, вжав голову в плечи.

— Я же просил подождать меня, Сел! — крикнул Элион, выскочив из-за угла.

— Сам виноват, нечего было копать. — Она пожала плечами и привалилась к скрипучим шкафчикам, скрестив руки под грудью.

Ее наряд, если вульгарный лоскут алой ткани можно так назвать, обнимал стройное, как ивовая ветка, тело кленовыми листьями. Разрезы оголяли бедра в узких штанах из кожи. На одном из них за кожаный ремень крепились маленький ножик и связка с темными пузырьками. Девушка переставила ноги, и я заметила тихое бульканье в ее высоких сапогах. Они были густо обшиты кармашками.

— И вообще, я еще злуюсь. Артур, ты не принес мне Воронеж. — Сел смирила его прищуром, не получила никакой реакции и вдруг переменилась в лице: широко растянула губы в улыбке и указала на меня длинным ногтем. Черным. — Элеонора, правильно? Я Селин. Близняшка этого оболтуса.

— Я все слышу!

— Не обращай на него внимания.

Они близнецы? В жизни не поверю, что одногодки... Селин выглядит намного старше.

— Отлично. Познакомились, теперь покажите ей все, — утомленно заявил Артур, толкнув меня в спину, и первый вышел.

Мою попытку сказать хоть слово протеста подавил энтузиазм новообетенных знакомых: они буквально утащили меня из хранилища. Элион выхватил из моих рук форму и закинул ее в первую попавшуюся спальню. Селин подхватила меня под руку и повела по коридорам, не переставая щебетать.

— Получается, Артур нарушил правило. Его накажут? — спросила я, когда близняшка рассказала о запрете приводить в штаб чужаков.

— О, не беспокойся, я уже говорил — он неприкосновенный, любимчик Сайруса, — отмахнулся Элион. — Ему ничего не будет, а вот ты аккуратнее. С обоими. Яблочко от яблоньки недалеко укатилось.

От яблоньки? Так они родственники или нет?

По слухам, глава Аделисов не может иметь детей, даже никогда не был женат и наследника себе взял на одном из заданий вне столицы. Хотя некоторые сплетничают, будто он его тайный сын.

Близнецы провели мне экскурсию по штабу — оказывается, лестницы уходили глубоко под землю на разные уровни и переплетались между собой скрытыми ходами. Я убедилась в том, что раньше это был храм — в некоторых местах на стенах остались впадины для моленных колокольчиков.

— Что во всех этих склянках? — поинтересовалась я и протянула руку к полкам, заставленным маленькими и большими сосудами всевозможных цветов и форм.

Сел привела меня в свое любимое место — лазарет, куда Элион категорически отказался идти.

— На твоём месте я бы их не трогала.

Она выглянула из-за моего плеча с лукавой улыбкой. Ее черты приняли выражение, которое бывает у человека, предвкушающего нечто опасное и запретное.

— Яды?

— Бинго! — воскликнула она и постучала ноготком по стеклу. — Моя скромная коллекция. Моя страсть. Ты даже не представляешь насколько уязвимы мерзкие твари перед ними.

— Это... опрометчиво, — аккуратно сказала я.

— Отчего же?

— Они же бешеные. Тебя растерзают быстрее, чем успеешь откупорить бутылку.

— О нет-нет! Ты не поняла, я не хожу с ребятами по души безумцев, очищением занимается брат.

— Разве так можно? — Я повернулась к ней. — Поэтому на тебе нет брони? И... — Я хотела сказать приличной одежды, но промолчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.